

Борис
Кагарлицкий

ПОЛИТОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Главное историческое достижение капитализма, видимо, и состоит
в том, что благодаря ему появляется на свет революционная
антикапиталистическая альтернатива.

Борис Кагарлицкий

Политология революции

«Алисторус»

2007

УДК 141.33
ББК 86.42

Кагарлицкий Б. Ю.

Политология революции / Б. Ю. Кагарлицкий — «Алисторус»,
2007

ISBN 978-5-9265-0401-6

В 1990-е годы, когда история многим казалась закончившейся, понятие «революция» почти полностью вышло из употребления интеллектуалов и политиков, используя разве что применительно к событиям прошлого. Радикальное преобразование общества представлялось чем-то невероятным и невообразимым. Между тем, жизнь отнюдь не стояла на месте, а общество менялось. И с точки зрения миллионов людей менялось далеко не к лучшему. Главное историческое достижение капитализма, видимо, и состоит в том, что благодаря ему появляется на свет революционная антикапиталистическая альтернатива. Обо всем этом можно прочесть в книге известного политолога и общественного деятеля левого толка Бориса Кагарлицкого.

УДК 141.33

ББК 86.42

ISBN 978-5-9265-0401-6

© Кагарлицкий Б. Ю., 2007

© Алисторус, 2007

Содержание

От автора	5
Введение	7
Глава I	11
Власть и рынок	13
Новое и забытое старое	16
Проект гегемонии	19
Конец свободы	24
Обманутые надежды	27
Латинская Америка – заповедник неолиберализма	30
Российская лаборатория	34
Финансовый капитал	37
Глава II	40
Наемный труд	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Борис Кагарлицкий

Политология революции

От автора

Любая книга имеет свою историю. Ее текст складывался в несколько этапов, на протяжении довольно долгого времени. Работа над этой книгой началась в самый разгар неолиберальной реакции 1990-х годов. Левое движение в Европе, да и во всем мире переживало тогда, пожалуй, самый глубокий кризис за всю свою историю.

Это было лето 1995 года. В Восточной Европе бушевала приватизация, «прогрессивные режимы» в странах «третьего мира» наперебой зазывали к себе советников из Международного валютного Фонда, в Южной Африке, где власть взял Африканский национальный конгресс вместе с профсоюзами и компартией, демократические перемены обернулись ростом безработицы и снижением жизненного уровня для черного большинства. Социал-демократы окончательно забыли слово «социализм». Еще никто не слышал про «антиглобализм». За пределами Венесуэлы еще никто не знал имени Уго Чавеса, а выживание сапатистского восстания в Мексике было под большим вопросом.

Именно в это удивительное время Левая партия Швеции собрала в маленьком летнем пансионате небольшое число людей, которых они, видимо, записали в некий негласный список «мудрецов». Попасть в подобный список вместе с Самиром Амином, Фредериком Джеймсоном и другими не менее авторитетными авторами было, разумеется, лестно, но, как говорится, положение обязывает. Несколько дней, отрезанные от цивилизации в сельской глуши Швеции, которая, как ни странно, не так уж сильно отличается от российской, мы должны были обсуждать будущее международных левых сил.

Любопытно, что позже я обнаружил аналог подобной дискуссии в вымышленном экспертном сообществе, описанном у Сюзан Джордж в книге «Доклад Лугано». Разница состояла лишь в том, что героями книги были защитники капитализма, предлагавшие рецепты сохранения системы, а мы думали о том, как с ней бороться.

Было, впрочем, еще одно различие: от нас не требовали никакого итогового документа. Да мы и не пришли к единому мнению. И все же эта дискуссия побудила меня сесть за письменный стол и начать собственную работу. Во-первых, надо было обобщить то, что я узнал и понял за время участия в левом движении – не только отечественном, но и международном. А во-вторых, сформулировать основные политические выводы, необходимые для дальнейшей деятельности.

Первым итогом такой работы стала трилогия «Recasting Marxism», вышедшая в Лондоне. Издало ее «Pluto Press» в 1998—1999 годах. Поскольку в мало-мальски законченном виде текст существовал только на английском, в 2001 году я кое-как сделал выжимку из всех трех книг и опубликовал ее на родном языке в Москве в издательстве «Логос» под заголовком «Глобализация и левые». Честно говоря, ни я сам, ни читатели не были особенно довольны результатом. Книжечка получилась слишком короткая и довольно сумбурная. Прочитал ее мало кто – тираж был ничтожный.

Да и время шло. Многие темы я сейчас уже вижу не так, как в конце 1990-х годов. С тех пор накоплено немало нового опыта. Левое движение вновь на подъеме, причем не только в западных странах: есть чему радоваться и в своем Отечестве. Естественно, эти новые успехи сопряжены и с новыми проблемами, с новыми разочарованиями.

Обо всем этом надо было писать и думать. Разумеется, эта книга отнюдь не является типичным плодом академической работы в библиотеках и архивах. Она была бы невозможна

без постоянного общения с лидерами и активистами левых движений по всему миру – от Швеции до Южной Африки и от Филиппин до Бразилии. Можно сказать, что сама она, равно как и сознание ее автора, в некотором смысле, являются продуктами глобализации. На таком фоне положение дел с левым движением в России вряд ли можно было считать особенно впечатляющим (что и предопределило приоритет именно «западного» материала в данной работе). Между тем с 1999—2000 годов ситуация начала заметно меняться. Важным симптомом этих перемен является появление нового поколения радикальных социалистических активистов в России. Люди, издающие социалистическую прессу или организующие протесты против вступления нашей страны во всемирную торговую организацию, доказывают своей ежедневной деятельностью, что левые идеи у нас в стране перестают быть достоянием академических интеллектуалов и политических сектантов. К середине 2000-х годов будущее Российского левого движения стало модной темой на заседаниях элитных экспертных сообществ, неизменно начинающихся с жалобы на то, что «молодежь левеет» и «марксистские идеи снова в моде».

Получившийся в итоге текст есть плод двенадцати лет работы – с 1995 по 2007 год. Когда я говорю о «работе», имеется в виду, разумеется, не только сидение в кабинете. Это плод не столько размышлений, сколько деятельности. Моей собственной и многих других людей, вместе с которыми я переживал спады и подъемы движения. Политическая практика просто не может быть индивидуальной. Потому и получившаяся в итоге новая версия книги появляется на свет в результате многочисленных споров, дискуссий и совместного опыта, общего для большого числа людей. Чтобы назвать их всех, не хватило бы места в этом предисловии. Но я не могу не упомянуть хотя бы несколько имен. В первую очередь, моих скандинавских товарищей арена Этцлера, Аудина Лисбаккена, Магнуса Марсдала, али Эсбати, Стефана Линдгрена и Стефана Сьеберга, совместная работа с которыми сыграла значительную роль при подготовке этого текста. Не могу не поблагодарить и бывшего секретаря «Socialist Scholars Conference» в Нью-Йорке Эрика Канепа, человека, который не только великолепно поддерживает международное общение левых, но и делает его удивительно приятным. Михаэль (Миша) Бри и Хельмут Эттингер из Партии демократического социализма Германии на протяжении всех этих лет не только помогали мне собирать материалы о немецких левых, но и добросовестно терпели мою критику собственной партии. Непременно должны быть названы Джон Рис и Алекс Каллиникос, а также все мои коллеги по транснациональному институту в Амстердаме и Институту глобализации в Москве.

Всем им и многим другим я, конечно, очень благодарен. Но главное – глубоко убежден, что самый интересный совместный опыт еще впереди. Как говорил Ленин, «приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать».¹

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. С. 120.

Введение

В 1990-е годы, когда история многим казалась закончившейся, понятие «революция» почти полностью вышло из употребления интеллектуалов и политиков, используя разве что применительно к событиям прошлого. Радикальное преобразование общества представлялось чем-то невероятным и невообразимым.

Странным образом, это глубокое убеждение овладело людьми, только что пережившими весьма масштабные перемены. Ведь крушение советского блока и окончание «холодной войны» сопровождались социальными катаклизмами, которые выпадают на долю не каждому поколению.

Однако произошедшее в Восточной Европе относилось, по мнению официальных мудрецов, к прошлому, которое раз закончившись, уже никогда не вернется и не повторится. Мир обрел некое идеальное состояние, которое характеризовалось сначала словосочетанием «свободный рынок», а потом и новым красивым термином «глобализация».

Между тем, жизнь отнюдь не стояла на месте, а общество менялось. И с точки зрения миллионов людей менялось далеко не к лучшему. Происходил демонтаж структур «социального государства», которые сложились в западном обществе на протяжении 40—60-х годов XX века под влиянием политической борьбы левых партий и рабочего движения. Конфликты «холодной войны» заменила «война с терроризмом», провозглашенная администрацией Соединенных Штатов. Европейские страны заполнили миллионы мигрантов, а расизм, считавшийся, наряду с антисемитизмом, пережитком прошлого, сделался почти респектабелен.

Начиная с публикации работ Самюэла Хантингтона о «конflikте цивилизаций», получили распространение теории о неизбежности «культурных» и «геополитических» конфликтов². Эти взгляды быстро распространились в отечественной литературе, где нашли благодатную почву среди бывших профессоров марксизма-ленинизма, жадно искавших новой идеологической опоры. В рамках подобного подхода конфликты, порожденные капиталистической глобализацией, воспринимаются как исключительно «внешнее» противостояние между странами и культурами, точнее – между Западом, христианским миром, «атлантической цивилизацией» и Востоком, Югом, мусульманским миром.

Анализ противостояния труда и капитала заменяется мифом об «извечном» конфликте Запада и Востока, что, разумеется, абсурдно с исторической точки зрения – антикапиталистические, антибуржуазные движения и идеологии родились именно на Западе, и лишь потом, по мере развития капитализма за пределами Европы, были импортированы на Восток. Такая «культурная» интерпретация капитализма очень удобна для его сторонников, поскольку автоматически снимает вопрос о внутренних противоречиях системы. Но в конце 1990-х годов господство подобных идей было столь полным, что они принимались даже частью критиков либерального порядка. Признавая, что «в плане научно-техническом и экономическом иной альтернативы этому миру нет», наши герои затем угрюмо сетовали на то, что глобализация «это стандартизация мира, утрата им своего многообразия и многоцветия». А это, в свою очередь означает деградацию культуры, в том числе и западной, ибо «принципом культуры является не однообразие, а многообразие».³

Надо сказать, что в этом вопросе сторонники либеральных теорий как раз готовы идти на уступки. Культурное оформление господствующего проекта допускает небольшую дозу плюрализма. Можно даже признать «возможности исторического культурного и цивилизационного

² Huntington S. The Clash of Civilisations and the Remaking of World Order N.-Y., 1996.

³ Россия в глобальном мире. Под ред. В.И. Толстых. М., 1997. С. 84.

компромисса, культурной множественности, концептуальной корректировки методов и теорий экономической либерализации и движения к политической демократии» При этом, однако, границы компромисса заранее обозначены, ибо «преимущества открытой экономики не подлежат сомнению».⁴

Идеология торжествующего капитала стала общим местом массовой прессы и, в известном смысле, массового сознания в Америке и большинстве европейских стран, не, исключая и Россию. Воззрения, распространяемые популярными изданиями, по-своему, даже более показательны и значимы, нежели построения идеологов. С одной стороны, требования глобализации определяются как объективная необходимость и чисто техническая задача. «Глобализация мировой экономики неизбежно ведет к нивелированию различий в экономических системах разных стран, – читаем мы на страницах деловой прессы, – и задача международных организаций – оказывать помощь развивающимся странам в движении к открытой экономике»⁵. Эту задачу должны были решать всемирная торговая организация, Международный Валютный Фонд и Мировой Банк.

Энтузиазм проповедников буржуазного рая не знал границ. «Философские основания западной, или либеральной, модели – индивидуализм и прагматизм. Фундаментальное превосходство Запада, построенного на этих принципах, над общинным и иррациональным Востоком в итоге должно привести к установлению демократии и свободного рынка во всем мире и концу истории как борьбы идей, – такова логика глобальной либерализации». Соппротивление «иррационального Востока» обречено. «в новом мире, где расстояния исчезают и время обмена информацией сокращается до секунд, культурная традиция перестает играть определяющую роль в экономике. Можно, применяя универсальную методику реформирования, построить единую планетарную экономическую систему, основанную на принципах свободного рынка и, возможно, политической демократии».⁶

Показательно, что, если «свободный рынок» определяется здесь как абсолютная необходимость и сверхценная идея, то демократия – не более как «возможность». Забегая вперед, отметим, что применение «универсальной методики реформирования» привело не к нивелировке различий и сближению стран по культуре и уровню социально-экономического развития, а как раз наоборот, к росту различий, поскольку последствия применения одних и тех же «универсальных» методов оказались совершенно разными в разных ситуациях (одни страны модернизировались и увеличивали производство, пусть и ценой возрастающего социального неравенства, другие, напротив, технологически деградировали и т. д.). Парадоксальным образом и культурные конфликты по мере развития «глобальной интеграции» лишь нарастали. Что гораздо важнее, применение либеральных методов означало резкий рост социальных конфликтов и противоречий в самих западных странах – даже в тех случаях, где имел место реальный экономический рост.

Чем более торжествовал либеральный буржуазный проект, чем более успешно преодолевал он на своем пути препятствия, оставшиеся от времен «холодной войны», тем больше вызывал отвращение у миллионов людей, оказавшихся в роли жертв капиталистического эксперимента. В 1999—2001 годах на политической сцене появились и радикальные движения, бросившие вызов этому порядку вещей и добившиеся первых успехов.

Растерянная буржуазная пресса обозвала этих молодых людей «антиглобалистами».

Эти успехи новой массовой оппозиции находились в вопиющем контрасте с безволием и деморализацией традиционной левой. Протесты 1999—2001 годов заставляют нас в очередной раз переосмыслить содержание понятия «левые». Некоторым наблюдателям массовые

⁴ ИнфоБизнес. 6.06.2000. № 20. С. 27.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

выступления рубежа веков казались повторением молодежного бунта 1968 года, вторым изданием тогдашней «новой левой». Можно сказать, что и «новая левая» и радикалы начала 2000-х годов бросали вызов традиционным левым организациям почти в той же мере, как и капитализму. В то же время будущее «традиционных организаций» в очень большой степени и тогда и теперь зависело от способности воспринять новые импульсы, идущие от стихийного движения и обновить себя в диалоге с ним. Однако в 1999—2001 годах среди активистов движения постоянной темой стала не только критика официальной социал-демократии и «сталинистской традиции», но и критика «новой левой» 60-х годов, которая оценивалась, как движение, не сумевшее достичь своих целей и деградировавшее.

В течение XX столетия основной массовой базой как социал-демократических, так и коммунистических партий Запада оставалось организованное рабочее движение. В 1980—1990-е годы упадок профсоюзов в развитых индустриальных странах стал общепризнанным фактом. Однако на рубеже веков обнаружились новые тенденции, заставляющие по-новому взглянуть на будущее рабочих организаций. В то время как профсоюзы Западной Европы стабилизировались, произошло резкое увеличение численности и активизация профсоюзов «третьего мира». Это отражает на политическом уровне социально-экономические сдвиги, произошедшие в этих странах – рост рабочих организаций является естественным следствием индустриального развития, а их политический радикализм – следствие гораздо более тяжелого положения трудящихся на периферии мирового капитализма (что также имеет прямое отношение к процессам глобализации).

Перемены происходят не только в странах «периферии». Новые политические тенденции наметились к концу 1990-х в более развитых странах, включая даже США, где профсоюзы стали искать новых методов работы и организации⁷. Взаимоотношения между новыми антикапиталистическими движениями и профсоюзами стали также важнейшим предметом дискуссий, как в традиционных рабочих организациях, так и среди «антиглобалистов».

Изменения, кризис и упадок, наблюдаемые в левых партиях на протяжении большей части 1990-х годов, выглядят особенно парадоксально на фоне их относительной электоральной стабильности. Сочетание стабильных, а порой и успешных результатов на выборах с глубоким внутренним кризисом заставляет искать ответа не в анализе конкретных политических решений, принятых теми или иными лидерами, а в чем-то другом.

Хотя кризис левых партий нередко связывают с крушением советской системы в 1989—1991 годах, он имеет гораздо более глубокие причины, как в эволюции капиталистического общества, так и во внутреннем развитии самих левых организаций. К числу этих причин можно отнести – изменение роли и значения национального государства в процессе глобализации, информационную революцию, вызвавшую резкие сдвиги в структуре и характере наемного труда, изменение социальной базы самих левых партий, что неизбежно влечет за собой сдвиги в сфере идеологии.

Несмотря на то, что большая часть западных левых (включая крупнейшие коммунистические партии) критически относилась к советскому опыту, распад СССР и последовавшая затем реставрация капитализма в России спровоцировали острейший идеологический кризис в левом движении.⁸

Однако, где яд, там и противоядие. После краткого периода отрицания привычной теории, наступило время идейных поисков. Интерес к марксизму (причем не только в левых кругах) резко оживила именно глобализация, подтвердившая многие прогнозы Карла Маркса относительно развития капитализма как мировой системы, разрушающей границы и втягива-

⁷ См.: *The Future of Trade Unionism*. Ed. By M. Sverke. Ashgate. Aldershot etc., 1997.

⁸ В качестве примера дискуссии, посвященной кризису в левом движении и попыткам преодоления этого кризиса в конце 90-х годов можно привести сборник *After the Fall. 1989 and the Future of Freedom*. Ed. By G. Katsiafcas. N.Y.: Routledge, 2001.

ющей в свой оборот все страны и народы. Этот интерес к Марксу как пророку глобализации проявился в ходе парижской международной конференции 1998 года, посвященной 150-летию «Коммунистического манифеста»⁹. Аналогичным образом рассматривались вопросы об актуальности марксизма в дискуссиях, организовывавшихся Фондом розы Люксембург в Германии¹⁰ и «Брежневским Форумом» в США.¹¹

То, что в конце 1990-х считалось среди левых «обнадеживающей тенденцией», к началу 2000-х стало новой массовой модой. Посвященные марксизму книги стали выходить впечатляющими тиражами, выступления радикальных ораторов начали собирать массовые аудитории, а в Интернете «красные» сайты резко повысили свои рейтинги. Начавшись в Западной Европе, волна нового молодежного радикализма докатилась к 2002—2003 годам и до России.

По мере того, как возрождалось левое движение, становились очевидны и возникающие в нем противоречия. Старые политические организации столкнулись и с интеллектуальным вызовом, брошенным теоретиками, которых эти партии на протяжении предыдущего десятилетия тщательно игнорировали.

Процессы трансформации и идеологического и организационного обновления левых сил в России приняли, как всегда бывает у нас, яркую и самобытную форму. От их исхода, в конечном счете, зависит и характер формирующегося в нашей стране политического спектра, партийно-политической системы и, возможно, будущее демократических институтов. Именно типичное для западной молодежи 2000-х годов ощущение неадекватности и, зачастую, недейственности, формальности привычных демократических институтов стало одной из причин того, что ареной политической борьбы стала улица. Однако если на Западе речь идет о кризисе сложившейся системы парламентаризма, то в России отражают элементарное отсутствие практической демократии.

Вписываясь в мировую капиталистическую систему, российское общество неизбежно создает условия и для формирования радикального социалистического движения, отвечающего требованиям современности. Главное историческое достижение капитализма, видимо, и состоит в том, что благодаря ему появляется на свет революционная антикапиталистическая альтернатива.

⁹ Le manifeste communiste, 150 ans apres. Rencontre Internationale, Paris. 13 au 16 mai 1998. Contributions. Fevrier 1998.

¹⁰ См. E. Hobsbawm u.a. Das Manifest – heute. 150 Jahre Kapitalismuskritik. VSA-Verlag, Hamburg, 1998. См. Также Cuadernos del Sur (Buenos Aires). 1998, № 26.

¹¹ Conference report: Manifestivity. In: Socialism and Democracy, 1998 v. 12. № 1—2 (23—24), a special issue dedicated to 150 years of the Communist Manifesto.

Глава I

Глобализация

Каждая эпоха любит хвастаться своей «новизной». Так, по крайней мере, обстоят дела в капиталистическом обществе, которое готово предлагать даже исторические и философские термины как товары, выставляемые на рынок. Чем чаще появляются новые термины – тем лучше, ибо это поддерживает интерес к дискуссии.

Слово «глобализация», появившись в экономической литературе конца 1980-х годов, получило, распространение в прессе к середине 1990-х, а к концу десятилетия сделалось не просто общепринятым, но и модным. Идеологи нового либерального порядка подчеркивали, что речь идет о глобальном торжестве идей и структур «западной цивилизации», триумфе «открытого общества». Действительно, в 90-е годы XX века, после распада советского блока, капитализм стал не просто господствующей, а единственной и единой системой в масштабах планеты. Относится это не только к принципам частного предпринимательства, к свободному рынку и формальным нормам буржуазной демократии, но и к идеологии, провозглашающей накопление капитала наиболее рациональным и здоровым принципом общественного развития. Причем капитализм восторжествовал в своих радикальных, агрессивно-либеральных формах, как на уровне практики, так и на уровне идеологии. Что, впрочем, закономерно. «Умеренные» формы буржуазной общественной практики и сознания – «смешанная экономика», «социальное государство», правительственное регулирование, социальный либерализм и все то, что позднесоветская интеллигенция восхищенно называла «цивилизованным капитализмом» – сами по себе сложились в качестве уступки правящих классов вызовам антисистемных движений XIX и XX веков¹², а также являлись ответом на конкуренцию советского блока. С крахом СССР и ослаблением антикапиталистической оппозиции отпала нужда и в идеях «умеренных» идеологов в самом либеральном лагере.

Что касается левых, то они резко разделились на две группы. Одни (большинство левого «политического класса») пришли к выводу о совершенной невозможности противостоять «естественному ходу вещей», поставив перед собой единственную задачу: успешно приспособиться к новым требованиям буржуазного общества. Другая группа (более радикальные представители движения) вместе с протестующими массами составила костяк возникшего на рубеже XX и XXI столетия «антиглобалистского движения».¹³

В качестве наиболее серьезных критиков «корпоративной глобализации», выработавших идеологию и аргументацию «антиглобализма», можно назвать Американскую исследовательницу Сюзан Джордж, филиппинца Уолдена Белло, сингапурского экономиста Мартина Хора¹⁴. Хотя они работают в разных странах, речь явно идет о единой международной «школе» экономического анализа, что тоже можно считать результатом развития глобального капитализма. Все эти авторы являются не только признанными академическими экономистами, но и активными участниками различных международных неправительственных организаций.

¹² Термин «антисистемные движения» введен в обиход Самиром Амином. Под ним – применительно к XX веку – понимается европейское рабочее движение и национально-освободительное движение в колониальных странах.

¹³ Обзор дискуссий между левыми по поводу глобализации см. B: Morvan F. *A gauche, deux visions de la mondialisation. Utopie critique*. 1999. № 15. См. Также: Amin S. *The New Capitalist Globalisation*. Links, 1996—1997. № 7—8; Freeman A. *The Poverty of Nations*. Links. 1996. N 7.

¹⁴ См.: Bello W., Sh. Cunningham, B. Rau. *Dark Victory*. United States, Structural Adjustment and Global Poverty. L. TNI/Pluto Press, 1994; Bello W. *Brave New World. Strategies for Survival in the Global Economy*. L. Earthscan, 1990; George S. *The Lugano Report*. Pluto Press, 1999; Khor M. *Rethinking Liberalisation and Reforming the WTO*. Presentation at the World Economic Forum at Davos (Switzerland), 28.01.2000 (полный текст см. на сайте Tird World Network: www.twn.org.sg).

Показательно также, что, несмотря на различие культур между представителями «Севера» и «Юга», антиглобалистская литература существует именно на английском языке.

Различия между идеологами «антиглобализма» проявляются не столько в подходе или методологии, сколько в радикализме выводов. Как и во всяком оппозиционном движении, здесь воспроизводится противостояние между реформистским и революционным отношением к системе. Единодушно отрицая неолиберализм, «антиглобалистские» авторы куда менее единодушны в отношении будущего капитализма. Чем больше распространяются сомнения в благодетельности последствий глобализации, тем чаще в рядах критиков обнаруживаются представители элит.

В 1998—1999 годах противники международных финансовых институтов получили неожиданного союзника в лице Дж. Стиглица, в недавнем прошлом – главного экономиста Мирового Банка. Поработав несколько лет на одной из самых важных руководящих должностей планеты, Стиглиц выступил с осуждением системы, обвинив ее в вопиющей неэффективности и очевидной злонамеренности.¹⁵

Анализируя итоги неолиберальных реформ в Восточной Европе, Стиглиц отметил в январе 2000 года, что, за исключением Польши, «все перечисленные страны после перехода к рыночной экономике достигли меньшего, нежели до него. Более того, они не могут даже достичь уровня 1989 года». Подобные результаты тем более катастрофичны, что системы советского типа сами по себе не отличались высокой эффективностью и к 1989 году находились в глубочайшем кризисе. «Но еще хуже обстоит дело, если мы посмотрим на данные о бедности. 18 из 25 рассматриваемых стран, по которым есть данные, показывают, что количество людей, живущих в бедности, выросло с 4% до 45% населения». При этом, отмечает Стиглиц, вопреки официальной теории «быстрее росла экономика в странах с более высокой инфляцией, а не наоборот»¹⁶. Как и следовало ожидать, после подобных выступлений Стиглиц вынужден был покинуть Мировой Банк.

¹⁵ См. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.

¹⁶ Stiglitz J., Quis Custodiet Ipsos Custodes? (Who is to guard the guards themselves)// Challenge. 1999. Nov. – Dec. Vol. 42, № 6.

Власть и рынок

Растиражированная тысячами популярных книг и журналов, банальная мудрость современного либерализма объявляет эпоху глобализации временем, когда национальное государство не то чтобы уходит в прошлое, но как будто утрачивает самостоятельное значение. Вместе с ним должен отмереть и традиционный социалистический проект. Ведь на протяжении XX века левые связывали перспективы социальных преобразований именно с национальным государством. Это в равной степени относится и к социал-демократическим, и к коммунистическим, и к левосоциалистическим партиям. Между тем к 70-м годам XX века стало очевидно, что государство уже не располагает монополией на власть. Мишель Фуко потряс умы французской интеллигенции, продемонстрировав, что власть в обществе распылена и находится вовсе не там, где ее принято искать. Еще более сильным ударом по концепциям левых оказался демонтаж системы государственного экономического и социального регулирования, начавшийся в 80—90-е годы XX века.

Осознав, что государство не располагает полнотой реальной власти в обществе современного капитализма, левые растерялись. Если реальный контроль осуществляется за пределами государства, быть может, надо вообще снять вопрос о борьбе за власть? Найти другие способы изменить мир? тем более что борьба за власть породила авторитарную практику большевиков и бюрократическую рутину социал-демократии¹⁷. Но если государство не является *всей* властью, это еще не значит, что вопрос о власти может быть решен вне государства и помимо него. Поскольку капиталистический рынок не может обойтись без вне рыночных институтов, государство, будучи само по себе некоммерческим учреждением, играет ключевую роль, обеспечивая не только финансирование публичных институтов, но и взаимосвязь между развитием экономики и различных структур социальной сферы.

Чем меньше государство поддерживает социальную сферу, тем менее оно легитимно в глазах населения, и тем труднее ему защищать сложившийся общественный порядок. Антонио Грамши в «тюремных тетрадах» не случайно уделил так много места вошедшему позднее в моду понятию «гегемонии». Без определенного согласия управляемых государство вряд ли могло бы осуществлять свою классовую функцию. А это значит, что, будучи инструментом правящего класса, государственная система не может не учитывать и интересы других слоев общества. Кризис государственности наступает тогда, когда институты власти оказываются неспособны к этому.

Противоречивость государства отражается в противоречивости политики левых по отношению к нему. Но проблема существует не только для левых. Либерализм, провозглашающий принцип «меньше государства», постоянно нуждается в полицейском принуждении, чтобы осуществить свои идеи на практике. На первый взгляд кажется странным, что либерализм, будучи идеологией буржуазии, нападает на буржуазное же государство, изображая его неэффективным, насквозь бюрократизированным и в значительной мере бесполезным. Если почитать либеральных публицистов, пишущих о жизни современной России, легко прийти к выводу, будто, правительственный аппарат президента Путина только и делает, что вставляет палки в колеса бизнесу и препятствует развитию рынка. Однако в это же время частные компании делают рекордные прибыли, буржуазные отношения развиваются, а акции стремительно растут в цене.

¹⁷ В качестве наиболее выразительного примера можно привести книгу: Holloway J. Change the World Without Taking Power. The Meaning of Revolution Today. L.: Pluto Press, 2005. В данном случае наиболее поучительным является даже не то, что подобная книга вообще могла быть опубликована и совершенно серьезно обсуждаться в левой среде, а то, что она предложена публике не в качестве продукта анархистского или либертарного дискурса, а как образец современного марксизма.

Противоречие здесь мнимое: либерализм направлен против *не-буржуазных* элементов в буржуазном государстве. Он не против полицейского насилия (когда оно направленно на защиту частной собственности), но постоянно призывает свести к минимуму роль институтов, не связанных непосредственно с защитой капиталистического порядка. Парадокс в том, что социальные уступки стабилизируют капиталистические отношения куда эффективнее, чем полицейские репрессии. Поэтому последовательные либеральные идеологи то и дело выступают в неожиданной для себя роли людей, которые дестабилизируют существующий буржуазный порядок, навлекая на себя не только гнев государства, но и недовольство прагматически мыслящих лидеров бизнеса.

Представители социальной сферы тоже не любят государство, но им становится еще хуже, когда государственные институты слабеют. Интеллектуалы, в свою очередь, терпеть не могут чиновников, но постоянно обращаются к ним за помощью, особенно, когда им нужны деньги. Без государства светская интеллигенция существовать неспособна. Другое дело – церковная. Она может кормиться от паствы, это доказано историей феодализма. Но современный интеллект не готов уходить в монастырь.

Социальная сфера, играющая все большую роль в жизни человечества, не может развиваться вне государства, и в то же время структуры государства совершенно непригодны для нее. Противоречие между теоретической потребностью в обновленном государстве и практической несостоятельностью государства нынешнего выливается в беспомощность политической стратегии левых сил, путанные заявления идеологов и растерянность активистов. В целом идеологи смирились с навязанным им либералами образом государства как унылой бюрократической машины, которая ничем эффективно управлять не может, а лишь пожирает деньги налогоплательщиков. Тем более что подобные образы возникают не на пустом месте. В большинстве стран отнюдь не левые были создателями государственной бюрократии. И все же к концу XX века именно они оказались в сознании миллионов людей ее служителями и защитниками. В то же время правые силы эффективно используют в своих интересах и раздражение граждан против государства, и не менее сильную потребность граждан в государственной защите перед лицом внешней угрозы. А этой угрозой все чаще оказываются не полчища иноземных завоевателей, а горы иностранных товаров, толпы полуголодных иммигрантов и стремительно интернационализирующаяся мафия. Короче – естественные последствия самой проводимой правыми глобальной экономической политики.

В 90-е годы XX века возможность серьезных структурных реформ на уровне национального государства была поставлена под сомнение. Глобализация стала ключевой идеей неолиберализма в 1990-е годы на фоне растущего разочарования масс в рыночных реформах. Разочарование это охватывало практически все страны, испытывавшие на себе прелести свободного рынка. Бывший левый социолог Фернандо Энрике Кардозо, ставший позднее правым президентом Бразилии, с важным видом объяснял главному редактору Российского журнала: глобализация это прогрессивная интеграция мировых рынков – финансовых и прочих. Это формирование относительно единой производственной системы и распространение ее на весь мир. Такова современная форма капитализма. Динамика глобализации определяется крупными корпорациями. Именно они обладают ресурсами, необходимыми для рационализации производства, а также информацией и средствами ее обработки, что позволяет ориентироваться в ситуации и принимать верные решения. В определенном смысле глобализация – это современное воплощение прогресса, и в этом ее можно сравнить с индустриализацией в Европе в начале XIX века, радикально изменившей привычный порядок. Многие выступали тогда против промышленной революции, но их протесты не остановили ход истории. То же самое и с глобализацией. Для вящей убедительности Кардозо вспомнил молодость и привлек в союзники основоположника марксизма: «Что за странные люди! – наверняка сказал бы об антиглобалистах

Карл Маркс, будь он сегодня жив. – выступать против глобализации – это практически то же самое, что отрицать идею прогресса».¹⁸

Все здесь основано на подмене понятий, затемнении смысла и игре словами. Насколько верными и обоснованными являются решения, принимаемые корпорациями, мы могли убедиться во время финансового кризиса 1998 года, не только обрушившего экономику десятков развивающихся стран, но и уничтожившего многомиллиардные инвестиции наиболее информированных и компетентных финансистов. Промышленная революция представляла собой массовое внедрение новой техники, и многие либеральные публицисты ссылались именно на информационные технологии как на основу глобализации. Однако Кардозо, будучи бразильцем, прекрасно знал, что в ходе глобализации наблюдалось не только внедрение новой техники, но и вытеснение машин в глобальном масштабе дешевым ручным трудом (другое дело, что компьютерные сети позволяли эффективно координировать взаимодействие предприятий, внутренний распорядок которых оказывался порой совершенно средневековым).

Если убрать риторику и демагогию, становится понятно, что для Кардозо всевластие капитала тождественно прогрессу, а суть глобализации он справедливо трактует как распространение ничем не ограниченной и ни перед кем не ответственной власти корпораций в масштабах планеты. Обратной стороной этой власти становится, согласно либеральной теории, резкое сокращение хозяйственных и социальных функций государства, возвращение его к типичной для начала XIX века роли «ночного сторожа». Это подают как явление закономерное, необходимое и прогрессивное.

Среди левых тезис о «бессилии государства» получил тройственное обоснование. Правительства были объявлены бессильными по отношению к транснациональным корпорациям (таким, как «Microsoft», «Ford», «Газпром»), к международным финансовым институтам (таким, как всемирная торговая организация, Мировой Банк и Международный Валютный Фонд) и, наконец – к межгосударственным образованиям, например, по отношению к институтам, создаваемым в Европе на основе Маастрихтского договора, или к Североамериканскому договору о свободной торговле между США, Канадой и Мексикой (North American Free Trade Agreement – NAFTA).

Отношение к европейской интеграции стало на Западе одним из ключевых вопросов для левых партий. Принципы, записанные в Маастрихтском договоре и других соглашениях, оформляющих новые правила игры в объединенной Европе, полностью соответствуют требованиям неолиберализма и трудно совместимы с традициями «социального государства». Разумеется, институты «социального государства» тоже не могут быть устранены в одночасье, но их эрозия является очевидным фактом точно так же, как и связь этой эрозии с формами, которые принял процесс европейской интеграции с конца 1980-х годов. Среди левых произошло новое принципиальное размежевание – между теми, кто ради формирования единой Европы считает допустимым и даже необходимым демонтаж институтов «социального государства» (обещая, конечно, потом все подправить), и теми, кто, сохраняя приверженность традиционным принципам, выступает против новых европейских институтов (по крайней мере, в их неолиберальной форме).

¹⁸ Россия в глобальной политике т. 3. № 5, 2005. С. 196.

Новое и забытое старое

При всей новизне вопросов, вставших на рубеже XX и XXI веков, глобализация вовсе не является чем-то качественно новым для истории буржуазного общества. Капитализм зародился и возник сначала именно как мировая система¹⁹. Эта мировая система достигла первого пика своего развития к началу XVII века, после чего разразился длительный кризис, сопровождавшийся войнами и революциями. Лишь к концу XVIII века стал развиваться национальный капитализм, укорененный в социальной структуре конкретных западных обществ. Таким образом, национальный капитализм, да и сами современные нации, является не предпосылкой, а продуктом развития буржуазной мировой системы.

Джеймс Петрас и Иммануил Валлерстайн вычленяют целый ряд последовательных циклов глобализации капитализма, за которыми следовали циклы деглобализации, или, если угодно, циклы «национального развития»²⁰. Вторая «глобализация» развернулась в 1830—1914 годах, завершившись новыми войнами и революциями. На исходе XX века капитализм опять становится непосредственно глобальным. Но это не отменяет существования национального общества и государства, хотя они (как и в эпоху раннего капитализма) оказались в глубоком кризисе.

Петрас, разумеется, не первый, кто говорит об исторической цикличности в развитии капитализма. Английский исследователь Рэй Кайли (Ray Kiely) замечает, что процесс глобализации подробно описан уже в «Коммунистическом манифесте» Маркса и Энгельса. «Таким образом, для Маркса глобализация в конечном итоге – это продукт динамики капиталистического способа производства, которая, в свою очередь, порождена исторически специфическими производственными отношениями».²¹

Петрас обращает внимание на то, что и транснациональные корпорации имеют прямых предшественников в лице торговых компаний XVI—XVIII веков. Развитие капитализма в принципе циклично, и нет никаких оснований утверждать, будто перемены, произошедшие в обществе к концу XX века, в принципе «необратимы». И все же не следует упускать из виду и качественное отличие глобализации от предыдущих периодов интернационализации капитализма. Благодаря технологическому подъему и победе в «холодной войне» капиталистическая мировая система впервые в своей истории действительно стала всемирной системой. Предсказание Маркса и Энгельса о капитализме, преодолевающем все государственные и национальные границы, сделанное в «Коммунистическом манифесте», сбылось в полной мере лишь 150 лет спустя.

Полемизируя с теми, кто связывает глобализацию исключительно с технологическим переворотом, Петрас склонен считать, что технология вообще не имеет отношения к этому процессу. Она совместима с разными экономическими механизмами. Глобализация порождена изменившимся в пользу капитала соотношением классовых сил. Проблема, однако, не в том, с чем «совместима» технология, а как она влияет на общее развитие капитализма. В этом смысле взгляды Петраса, несмотря на вполне понятный политический пафос, представляют собой пример своеобразного социологического субъективизма. Анализируя мировую экспан-

¹⁹ Подробнее история становления капиталистической миросистемы изложена в работах Иммануила Валлерстайна (см. Wallerstein I. *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century* Academic Press, London, 1974) и Фернана Броделя (см. Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв.* В 3 т. М. Прогресс, 1988—1992).

²⁰ См.: Wallerstein I. *Unthinking Social Science*. Cambridge, 1991. P. 57; J. Petras in: *Links*. 1996 July-October. № 7. P. 60. Ср.: Harman Ch. *Globalisation: a critique of a new orthodoxy*. *International Socialism*. 1996. Winter, Nr. 73. Согласно Харману, получается, что идеология глобализации играет в классовой борьбе значительно большую роль, нежели глобализация производственных связей.

²¹ Kiely R. *Empire in the Age of Globalisation. US Hegemony and Neoliberal Disorder*. L.: Pluto Press, 2005. P. 34.

сию капитализма в XIX веке, Маркс и Энгельс вовсе не считали технологию нейтральной, напротив, они прямо связывали новые фазы развития капитализма с новыми производственными возможностями.

Показательно, что «интернациональные» циклы в развитии капитализма совпадают с периодами, когда технологии, обеспечивающие связь, торговлю и коммуникации, развиваются быстрее, чем собственно производственные. Торговый капитализм XVI—XVIII веков был временем географических открытий, стремительного усовершенствования морских судов (достаточно сравнить тихоходные средиземноморские галеры с фрегатами нового времени), дорожного строительства и т. п. Индустриальная революция совпадает с подъемом национального государства. Появление фордистских технологий массового производства тоже совпадает с усилением роли государства в XX веке. Производство всегда локально, оно нуждается в конкретном «месте», где нужно решать конкретные социальные и политические проблемы.

В конце XX века, несмотря на рост производительности труда в промышленности, темпы развития коммуникационных технологий оказались существенно выше. Именно здесь мы видим наиболее впечатляющие достижения технологической революции. Это, безусловно, является объективной предпосылкой глобализации. Однако так будет не всегда. Развитие капитализма не только циклично, оно и неравномерно. С этой точки зрения можно по-новому взглянуть на знаменитые «кондратьевские циклы», или «длинные волны», в развитии капитализма. Открытие знаменитого русского экономиста 1920-х годов Н.Д. Кондратьева, обнаружившего, что в развитии капитализма периоды многолетней экспансии сменяются столь же затяжными эпохами депрессии, оказало огромное влияние на социальных историков и социологов. Конечно, и депрессии, и рост относительны, деловая конъюнктура постоянно колеблется, но долгосрочные тенденции все же очевидны. Если посмотреть на приведенные Кондратьевым даты, легко заметить, что фазы экспансии (сам исследователь несколько тяжеловесно называл их «повышательными волнами») совпадают с возрастанием роли национального государства. Другое дело, что растущее влияние государства на экономику проявляется порой не в прямом вмешательстве, а в увеличении военных заказов и вынужденном протекционизме — как во время «континентальной блокады», сопровождавшей наполеоновские войны. Показательно, что отмена «континентальной блокады» после распада империи Наполеона приводит не к бурному росту экономики, а, напротив, к затяжным депрессиям. Фазы длительного спада, напротив, как легко обнаружить, характеризуются преобладающим развитием средств обмена и коммуникаций. По Кондратьеву, выдающиеся технологические новации часто предшествуют фазе подъема в мировой экономике, причем сам Кондратьев, приводя многочисленные данные о датах изобретений, не обратил внимания на то, что на «понижительные волны» приходится как раз наибольшее количество изобретений в области транспорта. Массовое внедрение новых производственных технологий начинается еще в период «понижающейся волны», но само по себе меняет «правила игры» капитализма. Происходит это не сразу. Более того, перемены приходят не механически, не сами собой, а через цепочку социальных, политических и экономических кризисов. Кондратьев делает еще один важный вывод, на который впоследствии мало кто обращал внимание: «На периоды повышательных волн больших циклов приходится наибольшее количество важнейших социальных потрясений, как революционных, так и военных»²². Напротив, фазы спада в кондратьевских циклах совпадают с эпохами политической реакции.

С точки зрения кондратьевской теории «длинных волн», мы находимся сейчас на рубеже. Волна понижения мировой экономической конъюнктуры, начавшаяся в 1970-е годы, вроде бы подходит к концу. Но и новая фаза подъема никак не может начаться. Некоторые аналитики даже говорят о том, что «кондратьевские циклы» перестали работать, другие полагают, что они стали предельно короткими (подъем начался в первой половине 1990-х годов, но в начале 2000-

²² Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 205.

х уже сменился «понижительной волной»). По мнению большинства экспертов, нам предстоит начало нового цикла, причем переход от одной фазы экономического развития к другой неизбежно сопряжен с политическими и социальными потрясениями. Начавшийся в 1997—1998 годы мировой финансовый кризис и биржевой кризис 2000 года в США – лишь первые симптомы этого процесса. Мощный всплеск радикальных движений и развязывание Соединенными Штатами войны в Афганистане и Ираке в 2002—2003 вписываются в эту же логику.

На самом деле проблема не в Кондратьеве, а в примитивной интерпретации его идей современными экономистами. В реальной жизни смена фаз происходит не сама собой, не механически, с неизменностью смены времен года, а через общественно-политические кризисы и борьбу противостоящих друг другу сил.

Проект гегемонии

В современной экономической публицистике сложилось мнение, будто развитие коммуникационных технологий само по себе повысило мобильность капитала, подорвав возможности государственного регулирования. Но дело в том, что электронные технологии могут в равной степени использоваться как для перемещения капитала, так и для более эффективного государственного контроля за этими перемещениями.

В действительности не технологии сами по себе, а изменившееся соотношение классовых сил в мире (поражение коммунистического блока, исчерпанность ресурсов развития социал-демократических моделей к концу 1970-х, кризис национально-освободительных движений) способствовало «освобождению» финансового капитала²³. В свою очередь, рост мобильности капитала создал спрос на развитие информационных технологий.

И все же технологические процессы далеко не нейтральны. Они порождают собственные противоречия. Глобализация может рассматриваться не только как победа капитала над трудом в масштабах мирового рынка, но и как торжество финансового капитала над промышленным. В новых технологических условиях скорость финансовых транзакций резко возрастает, тогда как инвестиции в «реальный сектор» требуют практически столько же времени, что и 20 лет назад. Это порождает рассогласование финансовых потоков и производственных процессов, в конечном счете, дестабилизирующее систему в целом. Перераспределение из медлительной «реальной экономики» в динамичный финансово-спекулятивный сектор сопровождалось перекачкой средств и в тесно связанный с ним «информационный бизнес». Однако коммуникационные технологии не могут постоянно развиваться форсированными темпами просто потому, что обществу это не нужно. К середине 1990-х годов предложение технологических новаций явно превышало спрос. Сопротивление пользователей введению новых процессоров и компьютерных систем стало серьезной проблемой для действующих на этом рынке компаний. В 2000 году произошел резкий обвал стоимости акций компаний «информационного сектора» (американский индекс NASDAQ). Цикл подошел к концу.

Если в период бурного роста предпринимательские круги склонны добиваться ограничения государственного вмешательства, снижения налогов и т. д., поскольку перераспределительная деятельность правительства может замедлить развитие компаний-лидеров, то в периоды спада, напротив, возрастает потребность буржуазии в государственном регулировании. Именно поэтому критика глобализации начинает звучать не только со стороны левых, но и из уст влиятельных представителей буржуазной элиты²⁴. Однако механизмы такого регулирования в 90-е годы XX века были существенно подорваны и должны будут в XXI веке фактически создаваться заново. Это объективно открывает широкое поле деятельности для левых сил, которые могут предложить новые общественные проекты, в том числе и существенно более радикальные, нежели прежде. Однако сами левые силы, перенесшие тяжелейшие поражения в конце XX века, оказываются, как правило, не на высоте ситуации.

Потребность в замене неолиберализма новым государственным регулированием осознается и антикапиталистическими радикалами и буржуазными прагматиками. Так возникает положение, при котором революционный (антикапиталистический, социалистический) и

²³ См.: *Amin S.* Re-Reading the Postwar Period. N.Y., 1994. P. 207; *Clarke S.* Keynesianism, Monetarism and the Crisis of the State. Aldershot, 1988. P. 358.

²⁴ Если сумму программных установок неолиберализма часто называют «вашингтонским консенсусом», то подобную критику изнутри истеблишмента южноафриканский социолог Патрик Бонд метко назвал «поствашингтонским консенсусом». Этот подход представляет собой парадоксальное сочетание уверенности в правильности избранных методов с трезвым признанием того, что на практике они не работают (см. *P. Bond, Fanon's Warning: A Civil Society Reader on the New Partnership for Africa's Development* Trenton: Africa World Press and Cape Town: AIDC, 2005).

реформистский вектор направлены одинаково – и в том, и в другом случае первым шагом является восстановление национального суверенитета, возрождение государства как экономического агента, способного действовать автономно по отношению к буржуазии. Но каким будет это государство? в качестве проводника интересов буржуазной элиты государство из экономики ни на один день не уходило. Но теперь для регулирования нет ни идеологического обоснования, ни кадров. Социал-демократические партии настолько прониклись идеологией неолиберализма и «монетаризма», настолько стали частью буржуазного порядка, что они отстаивают сегодня принципы неолиберализма даже решительнее и последовательнее, чем традиционные правые, которые в силу своего прагматизма готовы идти на известные компромиссы.²⁵

Неприятие экономически активного государства, действующего в интересах большинства населения, не просто роднит новых социал-демократов с правыми. Подобный подход делает и тех и других последовательными противниками демократии – в массовом обществе без экономически активного государства демократические выборы теряют всякий смысл. Зато у находящихся у власти социал-демократических и прочих «левых» правительств появилось великолепное алиби: тезис о «бессилии государства». Этот тезис является самореализующимся прогнозом. Государственная власть, действующая строго по правилам, навязанным неолиберальной идеологией и программами Международного валютного Фонда, и в самом деле становится бессильной. Социологи, придерживающиеся «общепринятых» тезисов, подчеркивают, что в новых условиях «экономики суверенных государств являются уже не столько *субъектами*, сколько *объектами*», а «идея некоей альтернативы обречена на провал»²⁶. По существу, это означает отрицание самой возможности демократического процесса. Точнее, вместо процесса *содержательного*, предполагающего, что граждане страны самостоятельно выбирают свое будущее, предлагается формальный процесс, сводящий политику к борьбе за личную власть нескольких, не отличающихся друг от друга группировок.

И все же на практике, несмотря на то, что международные финансовые институты и транснациональные корпорации приобрели огромное влияние, ни те ни другие не могут проводить свою политику без посредничества государства. Опыт Восточной Европы показал, что правительства, особенно левые, очень любят объяснять собственные решения «внешними факторами». На деле все обстоит несколько иначе. Болгарский профсоюзный лидер Красчо Петков констатирует: «Не отрицая влияния программ структурной перестройки на эрозию трудовых стандартов и социальной защиты, а также и традиционного монетаристского подхода международных институтов, следует отметить и особые «заслуги» национальных правительств в этой области. Игнорирование или недооценка международных стандартов и правил, недооценка роли социальной политики зачастую являются результатом национальной инициативы, а не внешнего влияния. В данном случае правительства лишь прикрываются требованиями международных финансовых институтов, а те, в свою очередь, открыто не возражают».²⁷

Глобализация делает компании не только больше, но и сложнее, а порой и уязвимее. Потому и возникает требование стандартизировать законы, повсеместно ввести схожие социальные нормы, открыть рынки. Неправда, будто транснациональный капитал не нуждается в государстве. Без участия государства он не мог бы удерживать необходимые ему рынки открытыми, а границы закрытыми, он не мог бы манипулировать ценой рабочей силы и товаров. Если бы все национальные рынки слились воедино, а мировой рынок стал полностью однородным,

²⁵ Термин «монетаризм» используется в экономической литературе для обозначения концептуальной основы неолиберального подхода. Согласно представлениям Милтона Фридмана, единственным источником инфляции являются государственные расходы, а важнейшей экономической задачей правительства является борьба с инфляцией. Предполагается, что чисто математическими методами может быть подсчитано некое «оптимальное» количество денег в экономике, которое должно потом поддерживаться.

²⁶ Россия в глобальном мире. М., 1997. С. 44, 99.

²⁷ Рабочая политика. 1996. № 6. С. 42.

это было бы не триумфом, а концом глобализации. Ведь в этом смысле не было бы никакой необходимости производить товары для европейского потребителя в далекой Азии, ибо там стоимость рабочей силы сравнялась бы с европейской. Такая интеграция сделала бы издержки, связанные с транспортировкой товаров непомерно большими по сравнению с их себестоимостью. Короче, поддержание и развитие экономики глобализации требует поддержания рыночного разрыва между странами и регионами – прежде всего в той мере, в какой это касается стоимости рабочей силы. Национальное государство с его запретами, таможами и границами играет в этом деле решающую роль.

Капитализм невозможен без права, а право также немислимо вне государства. Даже пресловутое «международное право» не существует само по себе. Оно реализуется силами конкретных государств, которые в соответствии со своими интересами и возможностями спокойно терпят одни нарушения и жесточайшим образом наказывают другие.

Иракский конфликт 2003 года стал крупнейшим разоблачением мифов глобализации. На первый план опять выступило национальное государство – не только как военная сила, но и как сила политическая, экономическая. Транснациональные и межнациональные структуры показали свое бессилие: и Организация Объединенных Наций, и Североатлантический альянс (НАТО), и Евросоюз не смогли выступить в качестве единой силы; более того, они раскололись на вполне традиционные блоки национальных государств. Даже транснациональные компании разошлись по «национальным квартирам». Смешение капиталов не помешало потребительскому бойкоту (против франко-германских компаний в США и против Американских во всем остальном мире). А стремление вытеснить европейский капитал из Ирака вообще было для правительства США и стоявших за ним корпораций одной из главных задач войны.

Соединенные Штаты могут позволить себе новый имперский проект, основанный на мощи одной отдельно взятой страны. В Западной Европе, напротив, складываются предпосылки для формирования своеобразной имперской коалиции. Инструментом интеграции становится единая валюта и объединение капиталов крупнейших корпораций. Но эта имперская коалиция очевидным образом не совпадает с границами и структурами Европейского Союза. Франко-германский блок внутри Евросоюза противостоит как традиционным британским интересам, так и элитам «новой Европы» (правлящим кругам бывшего коммунистического блока, ориентированным на нового хозяина – США). Причины раскола надо искать отнюдь не в геополитике, а в том, как развивается международный рынок капитала. Британия не примкнула к единой европейской валюте вовсе не потому, что англичанам дороги их старые фунты с портретом королевы, а потому, что в качестве финансового центра лондонский Сити противостоит Франкфурту.

Казалось бы, мы снова вернулись к миру, каким он был в эпоху империализма в начале XX века. Однако блоки национальных государств оказались не такими, какими они были в начале XX столетия. Классический империализм времен Ленина и неоимпериализм сегодняшнего дня различаются между собой так же, как броненосец Первой мировой войны и бомбардировщик «Стелс». И, тем не менее, опыт прошедшего столетия не может быть проигнорирован.

Если приоритеты государства могли быть пересмотрены либералами, они могут изменяться и под давлением трудящихся. Политическая воля необходима и она реализуется через власть. «Бессилие государства» – пропагандистский миф. Но для того, чтобы государство смогло вновь осуществлять регулирующие функции в интересах трудящихся, оно должно быть радикально преобразовано и в известном смысле глобализовано (через демократически организованные межгосударственные сообщества). А левым организациям, борющимся в изменившихся условиях, нужна уже не только взаимная солидарность, но и прямая координация действий, позволяющая эффективно проводить кампании на межнациональном уровне.

Завоевание власти левыми имеет смысл лишь постольку, поскольку позволяет изменить правила игры, положить конец самовозрастанию «либеральной» бюрократии, а заодно и *раз-*

рушить связку между национальными правительствами и международными финансовыми институтами и транснациональными корпорациями. Для многих из этих институтов массовое несотрудничество и враждебность национальных правительств будет означать настоящую катастрофу (особенно если недовольные государства попробуют создать собственные параллельные международные структуры или преобразовать действующие). Именно потому, что многие радикальные альтернативы прямо-таки лежат на поверхности, для неолиберальной идеологии вопросом жизни и смерти является недопущение самой мысли о возможности каких-то новых подходов к экономике. Тонны бумаги и несметное количество телевизионного времени, огромные интеллектуальные силы затрачиваются на то, чтобы подавить любое обсуждение альтернатив.

Межгосударственные объединения могут стать субъектами регулирования. На этом уровне может получить новый импульс и развитие общественного сектора. Однако интеграция, проводимая в рамках неолиберальной стратегии, не приблизит нас к подобной перспективе ни на шаг. Межгосударственные структуры, создаваемые для обслуживания современного буржуазного проекта, не могут быть ни косметически улучшены, ни демократически реформированы, ибо в самой основе их лежит отрицание демократии. Переход к новому типу интеграции возможен лишь через острый кризис, который, скорее всего, завершится разрушением подобных структур.

Глобализация конца XX века – третья по счету за историю капитализма – качественно отличается от всех предыдущих. Если в XVI—XVIII веках, как и сейчас, интернационализация экономики сопровождалась острым кризисом государства, то в конце XX века усиление государства (по крайней мере, в странах «имперского центра») шло рука об руку с экспансией капиталистического рынка. Именно в этом – сущность явления, названного империализмом. Во времена ранних буржуазных революций речь шла о подрыве основ феодального государства. Напротив, в эпоху империализма государство оказалось вполне адекватно задачам капиталистического развития, оно было вполне буржуазным. То, что мы наблюдаем в конце XX века, свидетельствует, что между нынешними формами государственности и интересами капитала возникло противоречие. В кризисе не государство как таковое, а лишь те его структуры и элементы, которые в своем развитии переросли рамки капитализма. Третья глобализация оказалась неразрывно связана с социальной реакцией.

Неолиберализм был «проектом гегемонии» в точном соответствии с представлениями западного марксизма²⁸. Технологические перемены, вызвавшие сдвиги в социальной структуре общества, не могли не спровоцировать и кризис гегемонии. Социал-демократический консенсус, типичный для Европы 1960-х и начала 1970-х годов, оказался под вопросом. Кризис был использован международными финансовыми институтами и неолиберальными идеологами для продвижения собственного проекта. С одной стороны, была подорвана традиционная классовая гегемония в мире труда, а с другой – транснациональные корпорации смогли внести в мир капитала «новое классовое сознание», консолидировав его вокруг себя²⁹. Классовое сознание трудящихся было размыто, их связь со своими партиями и профсоюзами ослаблена. Напротив, правящий класс почувствовал себя сплоченным как никогда. Конечно, это не могло устранить противоречия между отдельными группами буржуазии, не говоря уже о

²⁸ Понятие «проект гегемонии» возникло как переосмысление идей Антонио Грамши в работах французских, а позднее и английских марксистов 1960—1970-х годов. Речь идет о том, что определенный культурный, политический или идеологический «проект» завоевывает доминирующие позиции в обществе – далеко за пределами тех социальных слоев, в интересах которых он был разработан. Лежащие в основе его идеи делают господствующими во всем обществе, позволяя их носителям осуществлять идеологическую и политическую гегемонию, вести людей за собой, консолидировать нацию и т. д..

²⁹ О росте «классового сознания» и даже «идеологии классовой борьбы» в рядах буржуазии см.: Wallach Bologh R. «Geezers Will Crack the Whip» as Shareholders Battle Labor for «Loot». Social Security and Capitalist Class Consciousness // Te Wall Street Journal 1998—1999. A paper presented to the convention of American Sociological Association. August 2000.

конкуренции между корпорациями, но, как и полагается в любом классовом проекте, частное подчинено целому, особое – общему.

Именно беспрецедентная консолидация элит предопределила поразительную силу неолиберального проекта. Различные группировки продолжали борьбу между собой, но – в рамках общего направления. Отныне смена правительств не вела к смене курса, а столкновение интересов свелось к лоббированию. Однако новая, повсюду однотипная структура господства неизбежно накладывается на гораздо более сложную и разнообразную структуру реальных обществ. Поэтому, не претендуя на то, чтобы сделать человеческое общество единым или однородным (это подорвало бы возможность капитала к глобальному манипулированию), неолиберализм одновременно стремится упростить для себя задачу, делая эти общества структурно однотипными, а потому легко понимаемыми и управляемыми по общим правилам.

В свою очередь, левые партии и движения протеста становятся носителями идеологии плюрализма, разнообразия, этнокультурного «многоцветия» в современном мире. Точно так же в условиях, когда под воздействием транснациональной бюрократии ослабевает значение народного представительства, левые оказываются силой, отстаивающей права граждан по отношению к корпорациям и международным финансовым институтам, не имеющим, в отличие от представительных органов, «народного мандата».

Конец свободы

Традиционный аргумент радикальных демократов со времен Жан-Жака руссо состоял в том, что либеральные демократические институты хороши, но недостаточны. Можно и нужно расширять сферу свободы. В конце XX века эта аргументация утратила прежнюю силу. Выход за пределы традиционных институтов формальной демократии необходим не потому, что мы теоретически можем создать нечто лучшее, а потому, что эти институты в прежнем виде уже не работают. Если радикальную реформу государства не возьмут на себя левые, то ее рано или поздно предложат радикальные правые. Если демократия не утвердит себя как вне рыночная и в значительной степени антирыночная система, то массы пойдут за теми, кто призывает к ограничению рыночной стихии во имя авторитета, иерархии, нации и дисциплины.

Исключая вопросы социальной и экономической организации общества из сферы демократии, мы лишаем ее конкретного жизненного содержания. Обнаруживается, что теоретики «открытой экономики» не только отрицают право граждан на принятие принципиальных общественных решений, но, парадоксальным образом, с глубокой враждебностью относятся и к фундаментальным основам европейского индивидуализма. Ведь под «открытой экономикой» подразумевается не движение товаров – в этом смысле всякая экономика является открытой, если это не натуральное хозяйство – а именно свобода движения капиталов. Мерой «свободы» экономики является снятие с капитала любых ограничений, в первую очередь связанных с ограничением эксплуатации труда и защитой прав человека.

Еще древние философы знали, что безграничное расширение свободы для одних оборачивается ограничением или подавлением свободы других. В данном случае свобода для капитала оборачивается несвободой для труда. Капитал, становясь единственным субъектом экономической деятельности, все же представляет собой «вещь», «предмет», «объект» (и деперсонифицированный, транснациональный акционерный капитал – тем более). Труд, напротив, есть не что иное, как совокупность живых людей и ничем иным быть не может. Провозглашая преимущество капитала над трудом, теоретики «открытой экономики» занимают принципиально антигуманистическую и потому антииндивидуалистическую позицию, подчеркивая тем самым, что вещь ценнее личности. Впрочем, еще Оскар Уайльд заметил, что индивидуализм и капитализм, в конечном счете, несовместимы.

Глобалистский либерализм представляет собой не что иное, как агрессивную форму коллективного эгоизма социальных элит. Это социальная безответственность, восторжествовавшая на глобальном уровне. Такой организованный коллективный эгоизм неизбежно ведет к авторитарным и тоталитарным видам политического поведения даже в том случае, если конкретные вопросы «технически» решаются в соответствии с процедурами буржуазной демократии. Демократическая форма становится пустой или получает новое содержание, не обеспечивая участие граждан в принятии решений, а лишь маскируя авторитарный характер проводимой политики.

Ликвидация социальных программ государства повсюду проходила под лозунгом борьбы с бюрократией. Увы, жизнь демонстрировала иную тенденцию. Крах советского централизованного планирования сопровождался бурным ростом централизованных структур транснациональной бюрократии, как частных, корпоративных, так и надгосударственных.

Система, основанная на бюрократической централизации, неизбежно предполагает авторитаризм. В соответствии с философией глобализации избранные народом органы должны отказаться от части своего суверенитета в пользу международных учреждений, неподотчетных избирателю. Даже в Западной Европе, гордящейся своими демократическими традициями, с каждым новым шагом интеграции структуры Европейского Союза все менее подконтрольны гражданам. Интеграция оборачивается усилением бюрократии, эрозией народного представи-

тельства. В начале XXI века брюссельские чиновники Евросоюза вправе были требовать от новых членов сообщества отчетности по такому количеству параметров, которое не снилось и аппарату советского Госплана, включая такие показатели, как диаметр помидора или «европейский стандарт презерватива».³⁰

Реформы, рекомендовавшиеся Международным валютным Фондом, были по своим подходам одинаковы в Зимбабве и в России. Обоснование этого подхода великолепно сформулировал главный экономист Мирового Банка Лоренс Соммерс: «Законы экономики такие же, как законы механики. Одни и те же правила действуют повсюду»³¹. Хозяйственная жизнь не только никак не зависит от культуры или географии, но и не связана с историей, уровнем развития производительных сил или структурой общества. Экономические законы, которые характерны для Соединенных Штатов начала XX века, должны были действовать и в древнем Шумере, и в империи Инков, и в средневековой Московии. Разница лишь в том, что древние шумеры их не знали, а Соммерс знает.

Одни и те же люди, не знающие ни языка страны, ни ее истории, ни даже текущих политических раскладов, перемещались из конца в конец планеты, превратившись в сплоченную и самоуверенную команду непогрешимых экспертов, диктующих свою волю правительствам и парламентам. В тропиках или в тундре, в индустриальных или в аграрных странах, в обществах с грамотным городским населением или среди горных племен – всюду проделывался один и тот же нескончаемый эксперимент. Одними и теми же методами и повсюду с примерно одинаковыми последствиями. Результатом стало резкое увеличение нищеты в глобальных масштабах, рост числа региональных конфликтов, преступности и коррупции.

Масштабы государственного вмешательства в экономическую, социальную и культурную жизнь на протяжении 80—90-х годов XX века не сокращались, а напротив возрастали. Дeregулирование тоже есть форма интервенционизма, только извращенная³². Но теперь вмешательство было направлено на разрушение общественного сектора, снижение жизненного уровня, снятие таможенных барьеров. Практика показывает, что поддержание рынков открытыми требует не меньшей активности правительства, чем протекционизм. Происходит лишь реструктурирование правительственного аппарата и изменение приоритетов. «Как это ни парадоксально, но в условиях рыночной экономики административный глобализм Российского правительства иногда превосходит гигантоманию, которой страдали экономические структуры бывшего СССР, – писала «Независимая газета». – вспомним, что непомерно высокая цена ошибки в советской управленческой иерархии была одной из главных причин кризиса отечественной экономики». Неолиберальный курс не решил этой проблемы. Более того, в результате приватизации и либерализации в руках центральной бюрократии оказалось еще больше власти. «Молодые реформаторы» анатолий Чубайс и Борис Немцов, поддержанные экспертами Международного валютного Фонда, произвольно ворочали миллиардами долларов, перестраивали структуры как детский конструктор, не неся ни малейшей ответственности за последствия своих решений. «в нынешнем российском правительстве, – продолжает «Независимая газета», – цена реформаторской ошибки возросла неимоверно, поскольку решения Чубайса и Немцова и их сподвижников «тянут» на десятки миллионов долларов. И при этом, в отличие от централизованно управляемой экономики бывшего СССР, реформаторам позволено действовать без какого бы то ни было внешнего контроля». Необъятная власть сконцентрировалась в руках узкой группы лиц, управляющих финансовыми потоками в государстве. «в России

³⁰ См.: *Marijnissen J.* Enough! A Socialist Bites Back. Socialistische Partij, Te Netherlands. S. L, 1996. P. 121.

³¹ *Keegan W.* The Spectre of Capitalism: The Future of the World Economy After the Fall of Communism. Lnd.: Radius, 1992. P. 109.

³² Венгерский экономист Л. Андор и его английский коллега М. Саммерс подчеркивают, что все деятели МВФ, пропагандирующие свободный рынок, по сути, являются служащими общественного сектора, живущими на деньги налогоплательщиков из стран-кредиторов. Да и сами международные финансовые институты не могут существовать без государственных дотаций. См.: *Andor L. Summers M.* Market Failure. Pluto Press: London – Chicago, 1998.

близится к завершению формирования монополии на принятие решений, касающихся жизни десятков миллионов людей».³³

Восторжествовав в глобальном масштабе, МВФ и Мировой Банк стали играть в капиталистической системе примерно такую же роль, как некогда Центральный Комитет КПСС – в рамках «коммунистического блока». Эксперты МВФ и Мирового Банка определяли, что делать с угольной промышленностью в России, как перестраивать компании в Южной Корее, как управлять предприятиями в Мексике. Вопреки общим словам о торжестве «свободного рынка», мировая практика еще не знала такой централизации. Даже правительства Запада вынуждены считаться с этой параллельной властью. Однако грандиозный успех породил не менее грандиозные проблемы, свойственные любым сверхцентрализованным системам. Дело вовсе не в том, что неолиберальная модель капитализма обрекает большинство человечества на бесперспективную нищету, а страны «периферии» – на зависимость от стран «центра». Подобные «моральные» и «идеологические» проблемы не могут волновать «серьезных людей». Проблема в том, что цена ошибки возрастает в невероятной степени. Огромные ресурсы, которыми управляет МВФ, позволяют «стабилизировать» ситуацию. Но проблемы не устраняются, через некоторое время кризис повторяется. Именно по такому пути шли Брежнев с товарищами, благо СССР получал огромные доходы от продажи нефти. Потом деньги кончились, а Советский Союз развалился.

Практически нигде неолиберализм не привел к резкому сокращению правительственного аппарата. Разумеется, случай России, которая, сократив общественный сектор почти в десять раз, увеличила государственный аппарат примерно в три раза, является экзотическим, но все же не уникальным. Повсюду в мире пока одни правительственные службы сокращались, другие росли. Снижение расходов на социальные нужды сопровождается ростом репрессивного аппарата, приватизация общественного сектора резко увеличивает нагрузку на налоговую службу и т. д. Сбалансированный бюджет в долгосрочной перспективе оказывался труднодостижимой целью, а финансовый кризис государства удавалось преодолеть лишь немногим счастливицам, обладавшим дорогостоящими ресурсами, которые можно было выгодно продать по монопольным ценам на внешнем рынке. Однако даже для такой богатой полезными ископаемыми страны, как Россия, приток средств из-за рубежа в 1999—2007 годах оказался скорее проклятием, чем благословением. Мало того, что сыпавшиеся в казну и частные сейфы нефтедоллары способствовали разрастанию управленческого аппарата, поддерживали паразитическое существование государственных чиновников и высокопоставленных корпоративных менеджеров. Эти средства невозможно было выгодно разместить в собственной экономике, обескровленной неолиберальными реформами. Деньги, поступающие в страну, вывозились за рубеж, бессмысленно складывались в стабилизационный фонд, разворовывались или проедались. Инвестиции в «реальный сектор» осуществлялись преимущественно иностранными компаниями, стремившимися «застолбить» свою долю перспективного и растущего за счет нефтедолларов потребительского рынка.

Тоталитарный характер идеологии и практики глобализации отмечен многими авторами. Английский журналист Крис Харман говорит о «новой ортодоксии», навязанной обществу. В основе ее, как и в любой другой догматической системе, лежит теория, которая не столько анализирует реальность, сколько «говорит нам о том, как все *должно* быть».³⁴

³³ Независимая газета. 15.05.1997.

³⁴ International socialism. Winter 1996, № 73. P. 5.

Обманутые надежды

МВФ, ВТО и Мировой Банк повсеместно требуют отказа от государственного регулирования и приватизации, ссылаясь на то, что либеральные меры автоматически вызовут бурный экономический рост, который, в свою очередь, приведет к сокращению бедности, решив «естественным образом» все проблемы, с которыми не смогло справиться «неэффективное государственное регулирование», социальные программы и социалистические эксперименты. На практике, однако, обещанный экономический рост наступает довольно редко. В большинстве стран, подвергшихся реформам, наступал резкий спад. В последующий период, разумеется, спад прекращается, но показатели роста редко перекрывают докризисный уровень. Так, в Восточной Европе после 10 лет реформ существенно перекрыла уровень 1989 года только Польша, которая на самом деле «падала» еще с 1979 года. Восстановили «советский» уровень еще несколько стран, но все без исключения страны после либерализации отстают от западных соседей больше, чем до нее. Исключением является только Словения, отказавшаяся от приватизации по рецептам МВФ и к началу XXI века вплотную приблизившаяся к западноевропейским показателям.

В ряде стран «третьего мира», где экономический рост все же был достигнут, разрыв между богатыми и бедными не сократился, а увеличился. Плоды роста достались узкому слою богатых, в «среднем классе» произошло расслоение между небольшой привилегированной частью, связанной с крупными корпорациями, и представителями «реального сектора», оказавшимися в достаточно трудном положении.

Один из парадоксов институциональной троицы ВТО/ МВФ/МБ состоит в том, что все эти учреждения создавались в послевоенный период как раз в качестве альтернативы глобальной рыночной стихии, как инструменты государственного регулирования в международном масштабе. Теперь мы имеем массу чиновников, оплачиваемых за счет налогоплательщиков, которые разъезжают по миру, заставляя правительства сокращать участие государства в экономике. Разумеется, диктовать свои условия они могут лишь странам «третьего мира» и бывшего «коммунистического блока», а содержатся преимущественно за счет ресурсов Запада. Конгресс США неоднократно критиковал МВФ за нарушение финансовой дисциплины, что не мешало представителям фонда требовать от национальных правительств сокращать свои расходы, дабы научиться «жить по средствам». Если бедные страны защищают свои рынки, ВТО обвиняет их в протекционизме и грозит санкциями. В тех же случаях, когда бедные страны успешно играют на рынке, против них применяют антидемпинговые санкции.³⁵

Чем более бескомпромиссно насаждается новый либеральный порядок на планете, тем более очевидными становятся его теневые стороны. Неолиберальная реакция, получившая мощный толчок благодаря успеху капиталистической системы в борьбе с советским блоком, обернулась серьезной дестабилизацией буржуазного порядка на низовом уровне.

Либеральная модель капитализма нестабильна в принципе. Это оборотная сторона ее динамики. Нестабильность классического капитализма в XIX веке привела Карла Маркса к выводу о неизбежности циклических кризисов и социалистических преобразований. Спустя

³⁵ Анекдотическим примером работы бюрократов из ВТО является история с производством автомобильчиков для гольф-клубов (golf-cars) в Польше. После того, как польские экспортеры наводнили ими рынок США, Американские производители в соответствии с уставом ВТО начали антидемпинговую процедуру. Согласно этой процедуре надо выбрать страну с абсолютно схожими социально-экономическими условиями и подсчитать, во сколько обойдется там соответствующее производство. Если оно окажется существенно дороже, разница оценивается как демпинг. Нелепость этой процедуры сама по себе очевидна, но применение оказалось еще более скандальным. В качестве «аналогичной страны» была выбрана... Канада. Загвоздка в том, что в Канаде вообще нет производства golf-cars. В итоге, как и следовало ожидать, цена изготовления одной машинки оказалась немисливо высокой. Были введены впечатляющие антидемпинговые пошлины, и соответствующая промышленность в Польше просто прекратила свое существование.

80 лет те же факты подтолкнули Дж. М. Кейнса к тому, чтобы предложить свой проект «смешанной экономики», регулируемой государством. Отвергнув критику Маркса и Кейнса, разрушив структуры, созданные под влиянием их идей, новый мировой экономический порядок вернул нас к правилам игры «классического» капитализма – со всеми вытекающими последствиями, включая кризисы перепроизводства, финансовые катастрофы (являющиеся оборотной стороной «победы» над инфляцией), в конечном счете – революции. Правда, теперь есть МВФ, работающий одновременно как идеологический центр и «пожарная команда». Однако, по мнению скептиков, «пожарные» сами разбрасывают окурки по лесу.

Функции планирования и регулирования никуда не делись. Они лишь были приватизированы, как и все остальное. Модель «идеальной конкуренции» по Адаму Смиту предполагает действие на рынке сразу сотен или тысяч независимых производителей, не имеющих информации друг о друге, а потому ориентирующихся на уровень цен и текущий спрос. На протяжении всего XX века формировались крупные корпорации, действующие по иным правилам. Возникла ситуация «олигополии». Корпорации вполне способны ориентироваться на рынке, собирать информацию о конкурентах и партнерах, управлять ценами, регулировать уровень производства. Только делается это не в интересах публики, а в своих собственных. В этом плане русские жалобы на олигархический капитализм совершенно не уникальны. Американские республиканцы жалуются на олигархию не меньше, чем российские либералы.

«Свободный рынок» по Адаму Смиту как саморегулирующийся механизм, в современных условиях ни технически, ни экономически невозможен. «в подобной ситуации, – писал известный экономист Мартин Хор, – нет никакого “свободного рынка” в классическом смысле слова, когда одновременно действует множество продавцов и покупателей, каждый из которых контролирует лишь незначительную долю рынка, и никто не может изменить общую ситуацию, манипулируя ценами. Напротив, немногие крупные компании и предприниматели могут контролировать столь значительную долю производства, продаж и закупок, что способны определять цены и даже в течение определенного времени произвольно понижать или повышать их».

Мировая экономика, подчиненная сверхцентрализованным корпорациям, живет по принципу олигополии. «то, что происходит сейчас на финансовых рынках, – типичный пример олигополии и манипуляции. Несколько крупных фондов, зачастую специализирующиеся на спекулятивных портфельных инвестициях, контролируют значительную часть денежных потоков (как в виде наличности, так и в виде кредитов), и они изучили все трюки, позволяющие им обогащаться с помощью любых финансовых инструментов.

Они могут манипулировать курсом валют, ценами акций и банковскими ставками, в результате порождая финансовую нестабильность и экономический хаос».³⁶

Либеральные экономисты отвечали на подобную критику, что все перечисленные проблемы возникают не из-за «свободного рынка», а как раз от недостатка рыночного самоконтроля в экономике. Но в том-то и беда, что чем более экономику либерализуют, чем более активно проводится политика дерегулирования, тем более она становится монополизированной, олигополистической и централизованно-бюрократической. Лишаясь возможности ограничивать частную инициативу, государство открывает дорогу для стихийной монополизации экономики. «Свободный рынок» на рубеже XX и XXI веков является идеологической фикцией, существующей только в сознании идеологов и распропагандированных ими масс. Политика, направленная на проведение «рыночных реформ», независимо от того, насколько успешно она проводится, просто не может дать обещанных идеологами результатов, ибо подобные результаты недостижимы в принципе. Зато она неизбежно даст иные результаты – укрепив власть международных финансовых институтов и транснациональных монополий.

³⁶ Tird World Resurgence. 1998. November. № 99. P. 29.

18 лет глобального укрепления транснациональных институтов (примерно с 1980 по 1998 год) дали примерно те же результаты, что и 18 лет брежневской стабильности в СССР. Глобальные элиты, сконцентрировав в своих руках грандиозные ресурсы, не просто понемногу теряли чувство реальности, но и начали позволять себе все более грубые ошибки, ибо немедленного «наказания» за эти ошибки не следовало. При столь огромной власти создается ложное ощущение, будто справиться можно практически с любой неприятностью, а потому нет необходимости беспокоиться из-за накапливающихся нерешенных проблем. Одновременно резко падает качество управления, снижается компетентность руководящих кадров, нарастает коррупция в системе. Чем больше корпорация, тем сильнее в ней развиваются внутренние групповые интересы, вступающие в конфликт друг с другом.

В большинстве стран, где неолиберальные реформы проведены «успешно», возникли и однотипные проблемы. Россия не уникальна, разница лишь в масштабе и остроте этих проблем. Ведь с таким размахом и с таким энтузиазмом, как у нас, монетаристские программы не проводились нигде в мире.

Подобно своим советским предшественникам, идеологи «современного либерализма» пытаются ориентироваться на «передовой опыт» и «положительные примеры». Как некогда в Советском Союзе, любые проблемы объясняют ошибками отдельных руководителей, а достижения – результатом последовательного и мудрого курса. Первоначально образцом последовательного и успешного проведения реформ была объявлена Чешская республика. В начале 2000-х годов эта страна переживала глубокий кризис. Либеральные идеологи тотчас же обнаружили огромное количество ошибок, которых в упор не замечали за несколько лет до того. Публике сообщили, что пражские чиновники не провели «подлинной приватизации», саботировали реформы и т. д. (что, кстати, отчасти правда – этим и объясняется относительная стабильность Чехии в первой половине 1990-х). В качестве спасительного рецепта чехам рекомендовали провести ряд мер, уже приведших Россию к дефолту в 1998 году. Мексике несколько раз предоставляли помощь для преодоления финансового кризиса, провозглашали ее образцом «успеха», а затем в срочном порядке предоставляли дополнительную помощь для выхода из нового кризиса. Каждый раз денег нужно было больше. Это не помешало предлагать Мексику в качестве образца для Южной Кореи.

Латинская Америка – заповедник неолиберализма

Какие бы проблемы ни возникали в обществе, либеральная мысль никогда не признает их связи с капитализмом и рынком. Винить можно что угодно – национальную специфику, бюрократию, коррупцию, иностранное вмешательство, политические ошибки. Лишь фундаментальные принципы либеральной экономики не могут быть поставлены под сомнение, это аксиома. Капитализм, частная собственность, рынок и свобода торговли являются основами преуспевания и благосостояния. Если же применение этих принципов не ведет к ожидаемому результату, то дело не в исходных принципах, а во внешних обстоятельствах, которые блокируют прогресс.

Типичным примером подобного подхода может быть книга Альваро Варгаса Льосы «Свобода для Латинской Америки», имеющая выразительный подзаголовок: «Как преодолеть пять столетий государственного угнетения». Сразу приходят на ум «Сто лет одиночества» Габриеля Гарсиа Маркеса, но автор пошел дальше – одного столетия ему явно недостаточно. Проблемы Латинской Америки имеют непрерывную пятисотлетнюю историю, причем с первых же страниц книги мы понимаем, что, по большому счету, ничего не меняется. Проблем у континента Альваро Варгас Льоса насчитал тоже пять: корпоративизм, государственный меркантилизм, привилегии, перераспределение богатства (wealth transfer) и политический закон. Автор обнаруживает все эти явления уже в империи древних майя, откуда они плавно переходят к ацтекам, инкам, испанским конкистадорам, правительствам свободных креольских республик, а в итоге достаются в наследство нынешнему поколению лидеров Латинской Америки.

Лечить все болезни нужно с помощью неизменного курса на приватизацию и свободу торговли. Проблема в том, констатирует сам же Льоса, что десятилетие неолиберальных преобразований завершилось экономической катастрофой и всеобщим возмущением. И все равно он продолжает искать причину не в самих реформах, а в культурных и институциональных препятствиях, на которые они натолкнулись. Льоса категорически отрицает мнение о том, что в основе проблем континента может лежать что-либо, кроме его собственных недостатков. Никакой «зависимости» от Запада никогда не было, просто Латинская Америка (очевидно, мучимая комплексами) «убедила себя, будто проблема слаборазвитости связана с “зависимостью”». А попытки исправить положение с помощью импортозамещающей индустриализации автор характеризует как «иллюзию экономического национализма».³⁷

Характерно, что авторы, пропагандирующие свободную торговлю, неизменно избегают анализа мировой экономики как целого, постоянно обращаясь к частным случаям отдельных стран или регионов, как будто те существуют в хозяйственном вакууме. Система международного разделения труда не упоминается, а хозяйственные связи стран Латинской Америки с США и Западной Европы упоминаются только в связи с тем, что они недостаточно свободные. Даже радикальное и многолетнее открытие рынков неизменно характеризуется как недостаточное. Как и положено либеральному идеологу, Льоса видит образец успешного общества в Западной Европе, но особенно – в США, с которых он и призывает брать пример. Правда, не во всем. К Америке тоже есть претензии: Запад еще недостаточно последовательно проводит в жизнь принципы капитализма и свободной торговли: «Если Соединенные Штаты хотят продвигать капитализм свободного рынка в Латинской Америке, он должны сами следовать собственным принципам. Если они это сделают, они укрепят ценности свободы».³⁸

³⁷ VargasLlosa A. Liberty for Latin America. How to Undo Five Hundred Years of State Oppression. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2005. P. 55.

³⁸ Ibidem. P. 78.

Начиная с середины 70-х годов XX века, Латинская Америка действительно оказалась пионером рыночных экспериментов, впоследствии тиражированных по всему миру. Именно здесь провозвестники неолиберализма, экономисты «чикагской школы», которых тогда в Соединенных Штатах многие еще считали реакционными Романтиками³⁹, получили возможность беспрепятственно осуществлять на практике свои идеи, взятые на вооружение диктаторскими режимами в Чили, Аргентине, Уругвае, а позднее и в других странах⁴⁰. Реализация эксперимента сопровождалась массовыми казнями и не менее массовым обнищанием населения, но одновременно происходила реструктуризация экономики, за счет усилившейся эксплуатации низов общества формировался новый средний класс. Ликвидация военных режимов в конце 1980-х годов не привела к резкому изменению курса. Два десятилетия репрессий сделали свое дело: оппозиция была обескровлена и деморализована. И лишь в начале XXI века континент охватил самый настоящий бунт. Повсюду от Аргентины до Мексики вспыхивали народные волнения, забастовки, а порой и вооруженные восстания. Неолиберальная модель разваливалась на глазах.

Но даже это всеобщее отторжение не заставило идеологов свободной экономики изменить свой взгляд на вещи. Книга Льюиса – лишь один пример из тысяч образчиков подобной продукции, заполнивших с некоторых пор прилавки книжных магазинов во всех концах света. Та же позиция типична для либерального исследователя, пишущего об Украине, России, Африке или Индии. О чем бы ни шла речь, нам предлагается преодолеть некие местные условия, препятствующие повторению иноземного успеха. Каковы же эти условия? У латиноамериканцев, русских, Африканцев, восточноевропейцев неизменно есть две беды: культура и институты.

Культура остается консервативной, традиционной, ориентированной на какие угодно ценности, только не на рыночный успех, а государство – большим, корпоративным, авторитарным и непременно коррумпированным. Поскольку связь между коррупцией и рынком не подлежит обсуждению, искать причины общественных пороков надо в каких-то мистических чертах национального характера или в природе государства как такового. Причем государство сохраняет свои отрицательные черты независимо от хода истории. Даже если оно само приватизирует все подряд и неукоснительно проводит политику свободной торговли, это ничего не меняет.

Между тем сохранение «старого» государства в условиях «новой» экономической реальности само по себе закономерно. Государство, разумеется, не остается неизменным, оно тоже преобразуется, приспособляясь к меняющимся условиям. И если правительство сохраняет черты авторитаризма и корпоративизма, то вряд ли все можно объяснить одной лишь инерцией.

Либеральному автору легко говорить про пять столетий, поскольку вера во всеобщее значение принципов «свободной экономики» несовместима с историзмом. Западные, либеральные институты, порядки, принципы – «правильны»; они универсальны, внеисторичны. Их успешная реализация является признаком «нормального» общества. Остальные институты и порядки, напротив – результат специфических условий. Аномалии, отклонения от нормы, зигзаги истории. В этом ненормальном положении находится почти все человечество на протяжении большей части своей истории. Что же, тем хуже для человечества.

³⁹ Именно так воспринимал их Дж. К. Гэлбрейт, ведущий авторитет в Американской экономической мысли 1960-х годов. См. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

⁴⁰ Любопытно, что Милтон Фридман, ведущий теоретик «чикагской школы» и консультант чилийского диктатора аугусто Пиночета, постоянно подчеркивал связь между рыночной и политической свободой (см. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006). Эта декларативная привязанность к ценностям западной демократии не помешала ему сотрудничать с одним из самых жестоких тиранов своего времени.

Если марксисты считают, будто капитализм порожден определенным этапом развития общества, имеет начало и, следовательно, будет иметь конец, то либеральные мыслители твердо убеждены в обратном. Законы экономики так же объективны, внеисторичны, внесоциальны и неизблемы, как, например, и законы механики в физике Ньютона. Хорошие правительства – те, кто идет навстречу «естественным законам». Плохие – те, кто пытается им препятствовать. Соответственно, у первых все должно получаться, у вторых, напротив, все должно проваливаться. Поскольку в реальной жизни часто случается наоборот, нужно найти какое-то объяснение. Культура и институты дают нам возможность ответить, «почему все не так».

Обвинения в адрес латиноамериканской культуры весьма похожи на аналогичные обвинения, звучащие в адрес культуры русской или Африканской. Макс вебер писал о связи протестантизма с духом капитализма. Латиноамериканцам не повезло: они остались католиками. А уж в России совсем плохо: восторжествовало православие.

То, что кальвинизм выступил, например, в Англии в качестве идеологического обоснования буржуазной революции, не подлежит сомнению. Но была ли английская революция просто результатом кальвинистской пропаганды? Почему протестантизм добился успеха в Германии и был разгромлен в Литве? Почему в России, при весьма толерантном отношении государства к немецкому протестантизму, выходцы из Остзейских провинций занимались не бизнесом, а государственной службой, причем по уровню коррупции нередко давали фору своим православным коллегам? Националисты и либералы любят ссылаться на древние традиции (первые ими гордятся, вторые на них жалуются). Но самые древние традиции уступают давлению обстоятельств. В Белоруссии в XVI веке было Магдебургское право, традиции самоуправления и сеймы. Это не помешало в конце XX века приходу к власти Александра Лукашенко.

Культура неуловима и условна, а политические и социальные институты осязаемы и конкретны. Но дело в том, что в Латинской Америке, как и в России, институты менялись неоднократно. Каждый раз смена социально-политических институтов была теснейшим образом связана с изменением экономических структур и курсов. Увы, каждая из фаз «неудачного» развития Латинской Америки была попыткой имитировать соответствующую фазу экономической политики, господствовавшей в мире и на Западе, находилась под влиянием доминировавших на Западе идей.

Институты развивались, менялась экономическая политика, но отставание сохранялось неизменно. Другое дело, что дистанция то увеличивалась, то сокращалась, странным образом становясь меньшей при «неправильной», с точки зрения либеральных идеологов, политики, и увеличиваясь, когда возвращались к политике более «правильной», рыночной.

Рост правительственного участия в экономике западных стран и стран Латинской Америки происходили синхронно, являясь выражением одной и той же общей тенденции, единого процесса реконструкции буржуазной миросистемы. Наступление неолиберализма тоже развернулось на Западе и в Латинской Америке примерно в одно время, под влиянием одних и тех же идей.

Если мы не хотим и дальше блуждать в потемках идеологического сознания, придется вернуться к реальности и присмотреться к фактическому ходу истории. Вопреки общепринятым тезисам, культура и институты Запада являются не столько причиной, сколько следствием его успеха. Там, где достигался социально-экономический успех, стабилизировались и институты буржуазной демократии, причем даже в странах, ранее не имевших европейской традиции. Но там, где успех не был достигнут, буржуазная демократия не прививалась, даже если для этого было множество культурных предпосылок.

Успех давал возможность сложиться институтам и развиваться культуре. Они, в свою очередь, закрепляли успех. Там же, где дела шли плохо, и культура, и институты увядали. Центральная Европа и Италия, процветавшие в эпоху позднего Средневековья, пришли в упадок к XVII веку. Не помог весь блеск Возрождения. Это не значит, будто культура, традиция, инсти-

туты не важны. Они являются фактором, стабилизирующим общественные отношения, их передовой линией, а порой и последним рубежом обороны. Но там, где культура или институты лишены опоры на благоприятные для них социально-экономические отношения, они неизбежно терпят крах. Победившая общественная система часто не уничтожает старую культуру и институты, а трансформирует их, превращая в один из самых ценных своих трофеев (монархия и аристократия в буржуазной Британии, кастовая система в капиталистической Индии и др.).

Вопрос в том, что предопределяет успех одних и неудачу других. В рамках мирового рынка одно с другим тесно связано. Это простейший математический факт, который не отрицает и либеральная экономическая наука, предпочитающая, впрочем, о нем пореже вспоминать. Ведь в условиях конкуренции, при ограниченном количестве ресурсов победитель достигает успеха за счет проигравших. Чем значительнее победа, тем больше число проигравших и тем весомее их потери. Такая модель, кстати, заложена даже в детской игре «Монополия».

Максимум, к чему может призвать либеральный экономист, это достичь благополучия за счет других. Иными словами, не только обеспечить подъем собственной страны, но и добиться упадка кого-то из конкурентов. Но в отличие от детской игры, стартовые условия конкурентов не равны. А потому слабые страны «третьего мира» будут проигрывать всегда, и тем плачевнее будут обстоять их дела, чем более активно они будут вовлечены в глобальное соревнование.

Основная конкуренция разворачивается именно между относительно бедными странами, которые вынуждены отчаянно вырывать друг у друга крохи, остающиеся им от гигантского пирога мирового рынка. Как отмечал южноафриканский исследователь Патрик Бонд, «растущая конкуренция со стороны нескольких стран, активно экспортирующих продукцию обрабатывающей промышленности (Мексика, Бразилия, восточная Азия) снизила шансы Африки на собственную индустриализацию».⁴¹

По той же причине иллюзорны и надежды на то, что интеграция в мировой рынок может стимулировать индустриальное возрождение России. Напротив, чем более активно отечественная экономика втягивается в международное разделение труда, тем более она специализируется на продаже сырья. Финансовые ресурсы, поступающие в страну за счет благоприятной конъюнктуры и монопольных цен на топливо, по большей части не идут на развитие отечественной промышленности, а инвестируются за рубежом. Что с точки зрения корпоративных интересов является вполне разумным подходом: действовать непосредственно на мировом рынке выгоднее, чем поднимать производство в русской провинции.

Действительные причины успеха стран, составляющих «центр» мировой системы, состоят в международном разделении труда и централизации капитала. В моменты неустойчивости страны «центра» могут прибегнуть и к применению вооруженной силы.

Идеология развития (*Desarollismo*) стремилась изменить место Латинской Америки в глобальном разделении труда. Но и само разделение труда в капиталистической миросистеме меняется. Таким образом, политика ускоренного развития далеко не всегда ведет к изменению соотношения сил. Если все это происходит в рамках рыночного подхода, то она может, в конечном счете, даже способствовать очередной реконструкции системы и закреплению зависимости на новом уровне. Именно это, а не мифический «избыток» государства привело к кризису латиноамериканского развития к середине 1980-х. Латинская Америка не стала самостоятельным центром накопления капитала. А это означает, что все усилия, направленные на подъем экономики, будут в итоге вести лишь к «развитию слаборазвитости».⁴²

⁴¹ Bond P. Looting Africa: The Economics of Exploitation. Lnd. – N.Y.: 2006. P. 15.

⁴² Термин «развитие слаборазвитости» введен в научный обиход Андре Гундер Франком (см. Gunder Frank A. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. New York: Monthly Review Press, 1967).

Российская лаборатория

Далеко не все беды мировой экономики порождены неолиберализмом. В условиях Восточной Европы было бы нелепостью отрицать влияние прошлого. Куча проблем унаследована ими от советской системы. Но в том-то и дело, что странам, переживавшим в 1990-е годы трудные времена, вместе с кредитами предлагался пакет мер, не только не устранявших причины кризиса, но напротив, создававших новые источники нестабильности. В результате, с одной стороны, МВФ, Мировой Банк и другие глобальные финансовые институты укрепляли контроль над мировой экономикой, но с другой стороны, им довольно скоро пришлось столкнуться с последствиями собственной политики. Подобно советским учреждениям времен Брежнева, они связали себя по рукам и ногам своей идеологией и уже не могут преодолеть инерцию собственной структуры.

В 1990-е годы кредиты МВФ и Мирового Банка, предоставлявшиеся России, шли не на развитие производства или не социальные нужды, а на поддержание избранного курса «финансовой стабилизации». Блистательным итогом этого курса стал крах рубля и развал банковской системы в 1998 году. Только после этого российское руководство вынуждено было признать, что кризис носит «структурный характер». На самом деле, кризис даже не структурный, а системный.

К концу десятилетия неолиберальный курс был в большей или меньшей мере дискредитирован в большинстве стран Восточной Европы. Правящие круги вынуждены были в срочном порядке менять риторику, а в некоторых случаях предпринимались даже робкие попытки корректировки курса. Однако радикальных перемен не произошло. В России после дефолта либеральная риторика сменилась рассуждениями о роли государства, но это отнюдь не означало изменения роли этого государства в экономике. Правительство Евгения Примакова, сформированное на фоне острого финансового кризиса, просуществовав всего несколько месяцев, сумело стабилизировать ситуацию, действуя совершенно вразрез с требованиями неолиберальной ортодоксии. Сделав свое дело, приведя экономику в порядок и добившись возобновления экономического роста, кабинет Примакова был вынужден уйти.⁴³

«Розовое» правительство не решилось ни бороться за власть, ни использовать ее для попытки структурных реформ. Обладая в начале 1999 года определенной свободой рук, оно не решилось даже заикнуться о национализации «естественных монополистов», чего желало (судя по опросам) большинство населения. Серьезных перемен не принесло в этом отношении и президентство Путина. В 2003—2005 году Кремль объявил о «войне с олигархами», после чего государственная компания «Роснефть» сумела забрать в свою собственность нефтяную компанию ЮКОС, но руководствовались власти отнюдь не экономическими, а политическими соображениями и отчасти корыстными личными интересами. Сами власти постоянно подчеркивали, что экспроприация ЮКОСа проводилась исключительно рыночными методами. Показательна реакция Российского бизнес-сообщества на слухи о дальнейшем расширении государственного сектора. Вместо того чтобы паниковать и протестовать, лидеры бизнеса выразили готовность продавать свои активы. Если, писала газета Российского бизнеса «ведомости», принадлежащие правительству компании начнут скупать акции, «предпринимателям это может быть на руку: если суммы сделок будут справедливыми, олигархи заработают миллиарды».⁴⁴

Крах рубля в августе 1998 года все-таки заставил руководство России применить некоторые методы государственного регулирования, но повысившиеся цены на нефть и начав-

⁴³ Подробнее о политике Евгения Примакова в течение 8 месяцев «розового правительства» см.: Кагарлицкий Б. Управляемая демократия. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.

⁴⁴ Ведомости. 5.09.2005.

шийся экономический рост позволили власти вернуться к привычным либеральным рецептам. Москва стала активно готовиться к вступлению в ВТО⁴⁵. В рамках этого процесса был подготовлен и очередной пакет «непопулярных мер» – знаменитая «монетизация льгот», спровоцировавшая волнения пенсионеров; реформа образования, превращающая знания в товар для избранных; жилищно-коммунальная реформа, направленная на коммерциализацию этого сектора и т. д.

Пока правительственные чиновники вели переговоры о вступлении России в ВТО, граждане весьма смутно представляли себе, о чем идет речь. Как отмечала зимой 2007 года социолог Елена Рыковцева, для подавляющей массы жителей России и сама организация, и условия вступления в нее «являются совершенной загадкой». Приняв решение, правительство «поставило народ перед свершившимся фактом», хотя «большинство Россиян ничего хорошего от ВТО не ждет».⁴⁶

Тем временем окрепший отечественный бизнес приступил к экспансии на внешние рынки. Российские корпорации сами стали транснациональными, разворачивая свою деятельность не только на территории бывшего Советского Союза, но и в Африке, Латинской Америке, а также в Западной Европе, Канаде, США и Турции. «Газпром», «Норильский никель», «Лукойл» и другие гиганты Российского бизнеса вошли в список мировых корпораций. В 2007 году Россия, как сообщала газета «ведомости», заняла «третье место в мире по накопленному объему исходящих из страны прямых иностранных инвестиций». За один только предшествующий год российский бизнес инвестировал за рубеж более \$120 млрд. В 2006 году по подсчетам аналитиков, «российские компании купили иностранных активов на \$10,27 млрд., в то время как иностранцы в России купили активов на \$4,71 млрд.»⁴⁷. Одновременно российские компании стали массово выставлять свои акции на лондонской и других западных биржах. Объем торгов по русским акциям в Лондоне составил в 2005 году 130 миллиардов фунтов стерлингов, а в 2006 достиг уже 170 миллиардов. К началу 2007 года был достигнут очередной рекорд, биржевые аналитики говорили про «беспрецедентное число русских компаний, зарегистрировавшихся на западных биржах»⁴⁸. Глобализация Российского капитализма шла полным ходом.

Все это происходило на фоне катастрофического дефицита инвестиций внутри страны, которой, по мнению журналистов из «ведомостей», остро необходим был «разворот инвестиционных рек»⁴⁹. Таким образом, даже благоприятная конъюнктура и повышение статуса Российского капитализма в глобальной системе не изменили ситуацию на структурном уровне.

Национально озабоченные мыслители, обретшие новую уверенность в себе благодаря всеобщему разочарованию в либеральных идеях, склонны были объяснять экономические неурядицы происками Запада. Потому предлагаемые ими рецепты реформ сводились к укреплению отечественных корпораций в противовес иностранным, и к продолжению той же самой политики, но уже руками чистокровных славянских бизнесменов. Однако именно российские корпорации наиболее активно вывозили средства за рубеж, в то время как значительная часть роста производства для внутреннего рынка осуществлялась за счет иностранных инвестиций. В России начало бурно развиваться автомобилестроение, создавались заводы по производству бытовой электроники, строились предприятия пищевой промышленности. Естественно, создавая сборочные производства в России, международные корпорации, такие, как «Форд», «Фольксваген», «Хенде» или BMW, заботились не о развитии страны, а о закреплении своей

⁴⁵ Официально договоренности о вступлении России в ВТО были достигнуты к осени 2006 года, но процесс продолжал тормозиться из-за политических споров с Молдавией и Грузией.

⁴⁶ Russia Profile, Jan. – Feb. 2007, v. I V, Nr. 1. P. 48.

⁴⁷ Ведомости. 6.02.2007.

⁴⁸ Russia Profile, Jan. – Feb. 2007, v. I V, Nr. 1. P. 16

⁴⁹ Ведомости. 6.02.2007.

доли растущего за счет нефтедолларов потребительского рынка. Но именно они способствовали не только оживлению индустриального производства, но и росту рабочего движения, которое очень быстро заявило о себе забастовками и акциями протеста.

По мере того, как росли финансовые ресурсы российских корпораций, увеличивались и их аппетиты, что не могло не влиять и на позицию государства, честно и добросовестно их обслуживавшего. Если «непослушные» олигархи, подобные Борису Березовскому, Владимиру Гусинскому и Михаилу Ходорковскому были наказаны, то корпорации, тесно сотрудничавшие с кремлевской бюрократией, были вознаграждены. В своем стремлении во что бы то ни стоило повысить прибыли и капитализацию отечественных нефтегазовых компаний, Кремль пошел на конфликт не только с прозападными властями Украины, но и с Белоруссией, остававшейся практически единственным надежным союзником России на протяжении 1990-х годов. Резко повысив цены на поставки газа в Белоруссию, «Газпром», при полной поддержке Кремля, спровоцировал в 2007 году торговую войну между двумя странами. Прибыли оказались важнее славянского братства.

Рост влияния России в ее традиционной сфере экономики, возможно, был неожиданно для некоторых политиков на Западе, но представлял собой вполне закономерное явление. Россия президента Путина заняла в капиталистической миросистеме то же место «периферийной империи», которое в XVIII—XIX веках занимало петербургское государство династии Романовых.⁵⁰

Патрик Бонд применительно к Южной Африке говорит о «субимпериализме»⁵¹. Особенность субимпериализма состоит в том, что, обретая некоторые черты империалистического, подобное государство по многим параметрам остается глубоко отсталым и сохраняет черты «периферийности» по отношению к центрам мирового капитализма. Несмотря на военную мощь и идеологическое влияние, нарастить которые куда легче, нежели развить экономику, подобное субимпериалистическое государство не может обходиться без тесного сотрудничества с «настоящим» империализмом, даже тогда, когда кичится своим величием и своими реальными или мнимыми успехами.

Промышленный подъем, наблюдавшийся в России к середине 2000-х годов, во многом воспроизводил черты аналогичного подъема 1890-х годов, подготовившего условия для революции 1905 года. Можно сказать, что к началу XXI века Россия опять, как и в начале XX века, оказалась своего рода «слабым звеном мирового капитализма». Русская душа, мистический «коллективизм» и прочие национальные особенности не имеют к этому никакого отношения. Наша страна заняла определенное место в мировой системе, и любой кризис, разворачивающийся здесь, может стать прелюдией к глобальным потрясениям.

⁵⁰ Подробнее см.: Кагарлицкий Б. Периферийная империя. М: Ультра. Культура, 2003.

⁵¹ См.: Bond P. Op. cit. P. 111.

Финансовый капитал

Важнейшим механизмом поддержания контроля «центра» над «периферией» в мировой системе является долговая зависимость. В России пик зависимости от международных финансовых институтов пришелся на конец 1990-х годов, после чего отечественный бизнес сам вышел на мировые рынки.

В рамках западной экономики происходит бурное перераспределение ресурсов, от которого выигрывает, прежде всего, финансовый капитал. Чем больше его автономия, тем менее конструктивным является его взаимодействие с промышленным капиталом. Исторически инвестиционные банки и биржи были необходимы для перераспределения финансовых потоков между отраслями. Они не только обеспечивают стихийное перераспределение (и доступ) к инвестиционным ресурсам, но и подают бизнесу необходимые сигналы. Биржа – это своего рода оракул, сообщающий нам волю рынка, место, где мы можем время от времени видеть, куда указывает «невидимая рука». Но, как и все жрецы, представители финансовых институтов имеют и собственные специфические интересы. Чем они сильнее, тем менее адекватны биржевые сигналы. Информационно-денежные потоки уже не ориентируют, а дезориентируют бизнес. К концу 1990-х годов самым выгодным вложением капитала стала скупка акций компаний, занимающихся скупкой акций компаний, занимающихся скупкой акций компаний. А долги, накопленные в финансовом секторе, превосходят, в конечном счете, бюджетные дефициты государств.

Каждый очередной крах сопровождается спасительными акциями – за счет налогоплательщика или за счет других, более стабильных компаний, которые готовы пожертвовать своими средствами во имя стабильности. Примером может быть крах инвестиционного фонда LTCM (Long-Term Capital Management) в США, происходивший параллельно с русским дефолтом. Его долги превосходили долги России в несколько раз. Спасительная акция была оплачена консорциумом западных банков, естественно, без всяких консультаций с вкладчиками. Еще раньше администрация Рейгана была вынуждена потратить деньги на компенсацию потерь, вызванных крахом компаний системы Savings and Loan. По подсчетам экспертов, «налогоплательщику это обошлось не менее чем в 1,4 триллиона долларов»⁵². Уолден Белло отмечает, что в конце 1990-х годов очередные неурядицы на биржах «привели к потере инвесторами на Уолл-стрит 4,6 триллиона долларов», суммы, которая «составляла половину валового внутреннего продукта США и в четыре раза превосходила потери, понесенные биржей во время краха 1987 года».⁵³

Хотя именно Соединенные Штаты лидируют по количеству финансовых скандалов, их масштабам и затратам общественных денег на последующие «операции спасения» (bailing out), аналогичные события происходят и в других странах. Патрик Бонд отмечает, что «японские власти регулярно и эффективно вытаскивают свои банки из трудностей»⁵⁴. А в России связка между частным капиталом и правительством и вовсе не является тайной.

Показательно, что буржуазные правительства, весьма скупые, когда речь заходит о расходах на социальные нужды, систематически и успешно борющиеся с дефицитом общественного сектора, неожиданно находят непомерные суммы денег, когда речь идет о спасении финансовых корпораций или о компенсации нанесенного ими ущерба. Однако, как отмечал английский исследователь Гарри Шатт, подобная щедрость отнюдь не делает спекулятивный капитал более умеренным и осторожным в своих операциях. «Эта спонсируемая государством рекапи-

⁵² Shutt H. *The Decline of Capitalism. Can a Self-Regulated Profits System Survive?* Lnd. – N.Y.: Zed Books, 2005. P. 39.

⁵³ Bello W. *Deglobalization: Ideas for a New World Economy*. Lnd. – N.Y.: Zed Books, 2004. P. 15

⁵⁴ Bond P. *Op. cit.* P. 23.

тализация финансового сектора, напротив, открывает дорогу для еще более безответственного поведения».⁵⁵

Разумеется, банкротства и финансовые крахи имеют место с тех пор, как существует капитализм. Однако никогда прежде частные ошибки и безответственность не вели к таким грандиозным (в абсолютных и относительных масштабах) потерям общественных денег. Это закономерно: по мере того, как увеличиваются масштабы и скорость финансовых спекуляций, нарастает и их дестабилизирующий эффект. Он действительно достигает такого уровня, что ни одно правительство не может игнорировать последствия финансовых провалов, не рискуя обрушить экономическую систему в целом. Но чем больше правительства осознают опасность, тем более безответственно действуют частные игроки, прекрасно понимающие: что бы они ни натворили, власти полностью или частично исправят нанесенный ими ущерб. Поведение финансовых спекулянтов становится похожим на поступки избалованных детей, за которыми родители привычно убирают битую посуду.

Возникает ситуация, когда прибыли приватизируются, а убытки социализируются. Эту формулу любил в бытность свою парламентским оратором повторять лидер немецкой Партии демократического социализма Грегор Гизи. Однако, оказавшись сам членом берлинского Сената (городского правительства), он вместе с социал-демократическими партнерами по коалиции точно так же, как и его буржуазные предшественники, поддерживал использование общественных денег для преодоления последствий банковского скандала, вызванного коррупцией в *Bankgesellschaft Berlin*.

Наряду с финансами спекулятивный бум захватывает и смежные сектора, в первую очередь рынок недвижимости. Это связано с тем, что жилье очень часто выступает залогом при получении займов, под его строительство и покупку берутся крупные и относительно надежные кредиты, оно является одним из самых массовых и необходимых товаров на рынке. Спрос на недвижимость обычно возрастает в периоды высокой инфляции, поскольку подобное вложение денег считается в таких обстоятельствах наиболее надежным. Однако после того как правительству удастся снизить темпы инфляции (а это одна из главных задач государства в соответствии с монетаристской теорией), рост цен на недвижимость не прекращается. Рынок недвижимости набирает собственную инерцию, продолжая как пылесосом вытягивать деньги из реального сектора экономики. Возникает гигантский «мыльный пузырь» (bubble) завышенных цен. Несмотря на то, что спрос на недвижимость стимулирует развитие строительного сектора, для всех остальных секторов экономики это оказывается гигантским бременем. К тому же строительство жилья для низших слоев общества становится совершенно невыгодным и фактически прекращается.

В 2005 году британский «Economist» признал, что «никогда ранее цены на жилье и недвижимость «не росли так быстро и в стольких странах одновременно»⁵⁶. Не осталась в стороне от этого процесса и Россия, где к концу 2006 году цены выросли до исторически рекордного уровня. Однако таким же образом цены росли в Европе, Азии и даже Африке. Рынок жилья в крупнейших мировых городах сам стал «глобальным». Прекрасным примером этого может быть резкий рост интереса западных спекулянтов к московской недвижимости. Несмотря на то, что среди иностранных инвесторов Москва по-прежнему считалась в середине 2000-х годов «самым рискованным городом», аналитики отмечали, что «с точки зрения перспектив развития российская столица занимает второе место, уступая только Стамбулу». По мнению международных спекулянтов недвижимостью, именно эти два восточноевропейских мегаполиса являлись к началу XXI века «самыми перспективными городами для инвесторов».⁵⁷

⁵⁵ *Shutt* H. Op. cit. P. 39.

⁵⁶ См. *The Economist*, 16.06.2005.

⁵⁷ *Бизнес*, 8.02.2007. С. 4.

То, что «мыльный пузырь» неизбежно рано или поздно лопнет, понимают все, но как и когда это произойдет, с чего начнется обвал, предсказать невозможно. С того момента, как становится ясно, что цены приближаются к пиковому уровню, на рынке воцаряется нервозность, которая сама по себе провоцирует инвесторов и спекулянтов на неадекватные поступки.

С того момента, как процессы, происходящие на спекулятивных рынках, окончательно теряют связь с производством, очередной приступ кризиса становится неизбежен. Однако кризис капитализма сам по себе не равнозначен укреплению политического влияния левых. Чтобы воспользоваться объективными возможностями, ежедневно открывающимися для антисистемной оппозиции в буржуазном обществе, левое движение само должно достигнуть определенного уровня зрелости.

Глава II

Труд и капитал

Новая мировая ситуация, сложившаяся на рубеже XX и XXI веков, поставила вопрос о появлении новых форм демократической и социальной оппозиции, противостоящей авторитарному коллективизму элит. Однако левые партии, выполнявшие эту роль на протяжении большей части XIX и XX веков, сами оказались в глубочайшем кризисе. Можно сказать, что новая модель политической жизни, исключая даже возможность серьезного обсуждения экономических и социальных основ общества, не только лишила политический плюрализм реального содержания, но и лишила левые партии их единственного *raison d'être*, смысла существования. Хотя, разумеется, лишь в той мере, в какой они сами приняли новые правила игры.

На протяжении большей части XX века социал-демократические и в некоторых странах коммунистические партии были своеобразным «домом» для рабочего класса. Поколение за поколением рабочие сохраняли связь с ними, вступали в их ряды, поддерживали их, голосовали за них, обращались к ним за помощью. В странах Северной Европы партийные и профсоюзные здания были не просто местом, где сидели штатные сотрудники аппарата, но и реальной «точкой сбора» для представителей класса, местом, где люди нередко проводили свой досуг, обсуждали личные проблемы, встречались с друзьями.

К концу XX века эта связь между классом и «его» организациями рушилась на глазах. Культура рабочих становилась менее коллективистской, новое поколение нередко предпочитало индивидуальное потребление классовой солидарности. Численность «синих воротничков» сокращалась. А партийные политтехнологи сосредотачивались на погоне за голосами «среднего класса», предпочитая общаться с избирателями и сторонниками через экраны телевизоров.

Наемный труд

Стремительное сокращение рабочих мест в промышленности развитых стран стало исходной точкой для социологических теорий о «конце пролетариата» и даже «конце работы» (the end of work). Американский социолог Джереми Рифкин уверенно заявил в середине 90-х годов XX века, что мы находимся «на пути к экономике без работы»⁵⁸. Правда, еще за десятилетие до него французский марксист Андре Горц объявил о конце пролетариата.⁵⁹

Интерес левых к новым социальным перспективам, связанным с изменившимися технологиями, был вызван не только упадком промышленности. Не меньшую роль играло и разочарование интеллектуалов в исторической миссии рабочего класса. Неправда, писал в 1996 году Оскар Негт, будто Маркс недооценил жизнеспособность капитализма: он лишь «переоценил способность рабочего класса покончить с капитализмом раньше, чем тот примет варварские формы»⁶⁰. Идеологи немецкой Партии демократического социализма братья Андре и Михаэль Бри доказывали, что «рабочий класс нигде не проявил себя политически за последние десятилетия».⁶¹

Скептицизм относительно возможностей рабочего класса был естественным результатом поражений 1980-х и 1990-х годов. Эти поражения, начавшиеся с неудачных забастовок в Англии, повторялись снова и снова в разных частях Европы и Северной Америки. Это были поражения не только для конкретных деятелей, партий и профсоюзов, но и для традиционной «классовой политики». Традиционные методы мобилизации не срабатывали, люди теряли веру в себя и доверие к своим лидерам. Проигранные забастовки завершались массовыми увольнениями, после которых прежняя численность рабочих в пострадавших секторах уже не восстанавливалась.

Между тем в течение примерно десяти лет сторонники и противники концепций «конца пролетариата» повторяли одни и те же аргументы и контраргументы, а дискуссия топталась на месте. Дело в том, что в 90-е годы XX века, несмотря на грандиозные технологические изменения (а отчасти и благодаря им), мы не только не приблизились к «постиндустриальному обществу», но напротив показали всю абстрактность этой теории. Технология не существует сама по себе, она может развиваться только в обществе. Само по себе распространение компьютеров, мобильных телефонов и Интернета так же не делает общество «постиндустриальным», как внедрение первых паровых машин было недостаточным в конце XVIII века, чтобы радикально изменить образ жизни Европы. Потребовалась Французская революция, Наполеоновские войны и еще множество больших и малых событий, которые подготовили индустриализацию Британии, а потом и других стран.

⁵⁸ Rifkin J. *The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*. N. Y., 1995. P. 292.

⁵⁹ См.: A. Gorz in: *After the Fall* / Ed. by R. Blackburn. Lnd. – N. Y., 1992.

⁶⁰ O. Negt in P. Ingrao, R. Rossanda. u.a. *Verabredungen zum Jahrhundertende*. S. 259.

⁶¹ PDS Pressedienst. 1995. № 28.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.